

ВАСИЛИЙ

Grandmaster

ГОЛОВАЧЕВ

Гарантирую
ЖИЗНЬ

Катарсис

Василий Головачев
Гарантирую жизнь

«ЭКСМО»

2000

Головачев В. В.

Гарантирую жизнь / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2000 — (Катарсис)

ISBN 5-04-005272-3

Перелом битвы темных сил и светлого славянского эгрегора на поле боя, которым стала Россия, близок. На Новгородчине родился «серебряный» мальчик Сергей, которому суждено стать собирателем и хранителем русского духовного пространства. Но это впереди, а пока его необходимо оборонить от атак пособников Сатаны, цель которых – непременно уничтожение русского мессии. Глеб Тарасов, Никифор Хмель и Дмитрий Булавин – офицеры спецслужб, профессионалы боя, будущие Витязи. Именно им, меченым огнем и свинцом, сделавшим добровольный выбор в пользу Катарсиса и объединенным в триаду защиты, поручено нелегкое дело охраны и спасения Сергея.

ISBN 5-04-005272-3

© Головачев В. В., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Пролог	5
Кабардино-Балкария	9
Москва	21
Москва. Кремль	25
Украина	31
Днепропетровск	33
Москва	43
Ладожское озеро	53
Вологда	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Василий Головачев

Гарантирую жизнь

О, как молчаливы боги!

С. Андреев

Пролог

Перунов день

Сердце России

Озеро Никулинское в Новгородской области со всех сторон окружено лесами, богато рыбой и всегда привлекало туристов своими живописными берегами. Однако славится оно больше тем, что на его западном берегу расположена деревня Ладославль, на краю которой высится огромный валун, по сути – скала округлой формы с выбитыми на ней древними руническими письменами. А на самой вершине скалы, принесенной на Русскую равнину миллионы лет назад ледником, высечена странная фигура, напоминающая монаха в рясе. Ее так и прозвали «Монахом», хотя кое-кто из стариков знал и другое название – Страж мальчика. Однако и старики не помнили, почему она так называется.

В конце двадцатого – начале двадцать первого века название деревни, наравне с вятской Гамаюнщиной, стало появляться в местных, а потом и в центральных газетах в связи с деятельностью Союза Славянских Общин, возродившего древние языческие праздники: Велесов день, Комоедицы, Родоницу, Живин день, День Земли, Ярило, Купало, Перунов день и другие. Всего таких праздников, названных Великими Славянскими, набралось восемнадцать.

Воинский праздник Перунов день стали отмечать через двадцать шесть дней после празднования Купалы. На этот праздник собирались гости со всех краев России. Мужчины молодые, и постарше, и совсем седые обязаны были иметь при себе оружие: нож, топор, а если есть разрешение, то и что-нибудь более серьезное – меч, саблю, палаш.

Начинался праздник торжественным шествием с песней, славящей Перуна.

Перуне! Вми призывающих тя!
Славен и трехславен будь!
Оружия, огня и хлеба дажди.
Громотворенье яви, прави над всеми.
Вще изродно. Тако было, тако еси, тако будет!
От веку до веку!
Слава! Слава! Слава!..

После славлений Перуну воины приступали к освящению оружия: на щиты, положенные перед капищем или иным средоточием веры (в Ладославле это была скала-валун с фигурой «монаха»), возлагали мечи, топоры, ножи, копья, булавы и другое холодное оружие. В жертву приносился бык, а за неимением одного – петух (лучше всего красный). На жертвенной крови заговаривалось оружие, жрец производил помазание кровью чела каждого воина, после чего те надевали на голову красные повязки. Над жертвенным огнем освящались воинские обереги.

После зачина затевался обрядовый бой «Перуна» с «Велесом», а затем устраивали игрище – взятие крепости. На вершине единственного в округе холма строилось потешное укрепление из бревен, сучьев и хвороста. Женщины и девушки, «защитницы», собирались

внутри крепости. Мужчины, разделившись на «всадников» и «коней», начинали приступ. Их задачей было разрушить укрепления и, пробившись сквозь строй «защитниц», захватить знамя, но при этом удержаться «в седле», то есть на шее «коня». Если «всадник» падал или его стаскивали, он выбывал из игры.

Женщины же должны были отстоять знамя, для чего они обзаводились обычно внушительным арсеналом: палками, обмотанными шкурами и полотенцами, набитыми соломой мешками, прутьями, вениками. Как правило, игра затягивалась надолго, так как идущих на приступ ожидала награда: тот «всадник», который сумеет завладеть знаменем, имеет полное право перецеловать всех защитниц.

По окончании потешного боя и получения награды воины несли ладью с дарами богам и ставили на краду – колодец из бревен для погребального костра. Старейшина поджигал краду, а после того, как костер прогорит, воины насыпали над пеплом курган и начинали тризну – обрядовый бой на могиле. После тризны наступало время стравы – поминовения всех павших славянского Рода. Обычная обрядовая еда: печеная говядина, дичь, курятина, всевозможные каши, из напитков – красное вино, вареный мед, пиво, квас, морсы.

В этот день отдавали предпочтение воинским утехам, но не забывали и о делах любовных. Старейшины советовали воинам проводить ночь после праздника с женщинами. Плох тот боец, который одерживает победы только над врагом на поле брани.

В последние годы все больше съезжалось гостей на славянские праздники, все больший интерес они вызывали во всех районах России. Нынешний праздник собрал в Ладославле около двух тысяч человек, среди которых скромно вела себя, ничем не выделяясь из веселой толпы, троица: двое мужчин и женщина. Один был смуглее, носил длинные черные волосы, усы и бородку. Второй сверкал сединой в пышных волосах и в его карих, светлеющих до желтого «тигриного» блеска глазах тлел странный свет печального покоя.

Женщина была на вид молода и мила, но и ее русые волосы украшала седина, а взгляд таил тот же свет понимания и покоя. Это были Егор Крутов, Ираклий Федотов и Лиза, жена Егора.

Они прибыли в Ладославль из разных мест.

Егор и Лиза – из Ковалей, небольшой деревеньки Жуковского района Брянской губернии, Ираклий – из Нижнего Новгорода, но цель их была не празднование Перунова дня, а нечто другое, готовое свершиться в этот день, и они терпеливо ожидали приглашения, наблюдая за празднеством.

– Все это безусловно интересно и полезно, – задумчиво сказал Крутов, одетый в серую холщовую рубашку с белыми погончиками, с закатанными рукавами, и в джинсы. – Однако нынешние времена требуют иных путей к возрождению духовности. Жертвоприношение – психологический и мировоззренческий тупик. Нужны новые традиции, новые символы, новые боги, если хотите.

– Может быть, тот, кто придет сегодня, укажет верный путь? – отозвался Ираклий Федотов, одетый во все белое.

– Я надеюсь на это.

– И все же, – тихо проговорила Лиза, – посмотрите на них: как много в нашей глубинке открытых, добрых, самоотверженных людей. Они работают за мизерные деньги, но готовы ехать на край света ради поддержки других и поделиться всем, что имеют. Удивительна русская безропотная терпеливость, изначальная готовность к жертве, но не менее удивительна и решимость добиться высшей справедливости, хотя бы и ценой жизни. Они счастливы и несчастливы одновременно.

– Право быть несчастным – это один из этапов самоосознания, – сказал Крутов. – Главное, что наши люди не потеряли способности плакать и смеяться, быть грустными и веселыми

ни при каких обстоятельствах. Но никогда – самодовольными! Они умеют и любить, и ненавидеть.

– Да уж, – усмехнулся Федотов, – этого у нас не отнимешь. Хотя Лиза права: русский народ действительно добр и терпелив. Правда, некий мудрец говорил, что добро – тоже зло, только скрытое.

Крутов покачал головой, начал выбираться из галдящей веселой толпы, замороженной гремящим и звенящим зрелищем потешного сражения за крепость. Спутники последовали за ним, остановились на краю поляны, в тени клена.

– Есть философы, исповедующие учение «глобальной кабалы». Не средневековой мистической Каббалы, а кабалы – как зависимости от чего-то, рабства, неволи. По этому учению, в мире существует три вида зла: Зло, Добро и Любовь.

– Как это? – заинтересовался Ираклий, бывший полковник военной контрразведки.

– Зло, Добро и Любовь отражают уровни зависимости. Кабала Зла питается энергией мести, энергией зла: она требует жертвы врага в любой форме. Кабала Добра тоже представляет собой форму рабства, так как требует отплатить добром за добро, навязывая обязательную конкретную отдачу. Кабала Любви, в свою очередь, есть вид неволи, потому что заставляет человека отвечать тем же.

– Это по крайней мере спорно. Могу привести множество примеров, когда человек добровольно приносил в жертву свои чувства, не требуя ответа.

На поляне, где проходили соревнования воинов, среди зрителей раздался взрыв смеха, потом вспыхнули аплодисменты. Видимо, кто-то из молодых участников сражения выкинул какое-то коленце. Крутов оглянулся, прищуриваясь.

– Я тоже могу привести аналогичные примеры.

– В таком случае, учение «глобальной кабалы» создано специально для сокрытия истинного положения в духовной сфере человечества. Кому-то выгодно представлять человека вселенским злодеем. Или ты не согласен?

– С чем я согласен, так это с апокрифом «учения» о том, что Зло – программа тестирования человечества.

Федотов хмыкнул, приглаживая ладонью бородку.

– А Добро в таком случае что? Или Любовь?

Крутов посмотрел на жену, улыбнулся.

– И они тоже. Вот Елизавета может подтвердить, она эти тесты прошла.

По губам женщины скользнула печальная и в то же время снисходительная улыбка. Но отвечать на подковырку мужа она не стала. Супруги – Егор и Лиза – понимали друг друга с полувзгляда.

Федотов вздохнул, отвернулся. Он не мог похвастать тем, что Мария понимает его, как Елизавета Егора, хотя и прожил с ней уже восемь лет.

– Ты с нами не поедешь? – спросил он спустя минуту.

– Куда? – не понял Крутов.

– Мы с Машей едем в Ярославль, на фестиваль хоровой и колокольной музыки. Уже третий раз. Поехали, не пожалеешь.

– А меня с собой не возьмете? – низким голосом осведомилась Лиза.

Мужчины посмотрели на нее.

Крутов легонько обнял жену за плечи, прижал к себе. Федотов виновато кашлянул.

– Естественно, без тебя твой старик никуда не отправится. Куда иголка, туда и нитка. Фестиваль, между прочим, международный, в нем принимают участие известные музыкальные коллективы из многих стран Европы и Америки. Откроется в Спасо-Преображенском монастыре.

– Возможно, мы там появимся, – кивнул Крутов.

– Могу встретить.

– Мы тебя и Машу сами найдем.

– Ну, конечно, ты же волхв, – проворчал Ираклий не без зависти. – А вот мы вынуждены пользоваться техническими средствами передвижения.

К разговаривающим подошла еще одна женщина, красивая, смуглолицая, черноволосая, тонкая в талии, в легком сарафане, подчеркивающим фигуру. Это была Мария.

– Пойдемте, схватки уже закончились.

Все четверо поспешили к околице деревни, миновали небольшую церквушку с медным куполом и остановились на другом конце улицы у бревенчатой хаты, покрытой позеленевшим от непогод и времени шифером.

У калитки, ведущей на подворье, судачили три старушки и старик. Увидев гостей, они примолкли, разглядывая их. Мария, не обращая на них внимания, повела прибывших за собой.

Дверь в сени отворилась без скрипа. Гости встретили еще одна старуха с морщинистым суровым лицом, без любопытства окинула их взглядом и понесла во двор таз с водой и белым полотенцем в бурых пятнах. Дверь в горницу была низкой, мужчинам пришлось согнуться, чтобы не стукнуться макушкой о притолоку.

Взору гостей открылась большая русская печь, занимавшая треть помещения. За печью занавесками был отгорожен угол, где, очевидно, жила хозяйка дома, семидесятилетняя Домна. В горнице слева стояла кровать, на которой лежала, смущенно улыбаясь, молодая женщина с русой косой и голубыми глазами.

Возле кровати суетился старик, лысый, но с клокастой седой бородой, что-то приговаривал, наклоняясь к женщине. Рядом на стуле сидел щуплый мужичонка средних лет, а на его руках лежал завернутый в белое рядно только что родившийся младенец, елозил ручонками, двигал ножками, чмокал, но молчал. Волосы у него были длинные и белые, какие редко бывают у новорожденных.

Крутов приблизился к роженице, взял ее за руку.

– Поздравляю, Анфиса. Только зря ты не поехала в роддом, там тебе было бы легче.

– Ничего, Егор Лукич, и так все обошлось. Родная земля силы дала. Сын родился.

– Как назвали?

– Как и положено, Световидом, – неожиданным басом отозвался щуплый муж Анфисы, показывая в улыбке крепкие белые зубы. Глаза у него были светлые-светлые, прозрачные, лукавые и добрые.

– Ну, привет, Световид Родославович, – наклонился к ребенку Крутов. – Многие тебе лета.

Новорожденный замер, пытаясь открыть глаза, пустил слюнку и заулыбался, тихо пискнул.

Анфиса рассмеялась.

– Надо же, признал тебя малец, – проворчала будто из воздуха возникшая старуха, мать роженицы. – Не ошибся ты.

Подошел Ираклий, разглядывая ребенка, отступил назад, вслед за Крутовым. К роженице, ее мужу и ребенку приблизились женщины, начались поздравления, охи, негромкие пожелания, смех.

– Ты уверен? – почти беззвучно спросил Федотов. – Это он?

– Ничего нельзя знать наверняка, – ответил рассеянно Крутов. – Но я уверен – это он. Серебряный мальчик.

– Почему они дали такое имя – Световид? В школе над ним не будут смеяться?

– Не будут. Это родовое имя. Его мирское имя – Сергей. Сергей Родославович.

– Сергей, значит.

Крутов кивнул, глядя на младенца в руках Лизы, который пытался схватить ее за палец.

Кабардино-Балкария Тарасов

Столица Кабардино-Балкарской Республики Нальчик стал городом с тысяча девятьсот двадцать первого года. В советские времена он отстроился, приобрел вид индустриального центра с фабриками и заводами электроприборов, телемеханической аппаратуры, станкостроительным, инструментальным и другими, а также заимел два вуза (в том числе – университет), три театра, два музея и бальнеологический горноклиматический курорт. Затем во времена перестройки и перехода от социализма к «дикому» российскому капитализму промышленность Нальчика практически развалилась, перестали работать театры и музеи, город превратился в один большой базар, торгующий всем, чем придется. Однако в начале двадцать первого века жизнь России стала меняться в лучшую сторону – хотя бы статистически, и Нальчик встрепенулся, ожил, начал строиться заново. Заработали кое-какие предприятия, открылись театры, снова появился конкурс на места в высших учебных заведениях, а вместе с этими переменами оживилась и политика республики. В ней появились «правые» и «левые», подняли голову коммунисты и националисты, начали создаваться различные партии, а затем объявился и национальный «герой», начавший борьбу за отделение Кабардино-Балкарии от России: Мастафов Султан Ахмедович, балкарец по происхождению, родившийся тем не менее за пределами России, в Пакистане, спортсмен, бизнесмен, владелец ипподрома, бывшего когда-то республиканским.

Все эти сведения Тарасов почерпнул из досье на местную элиту Нальчика во время перелета из Москвы в столицу Кабардино-Балкарии. Но эта информация была лишь частью вводной, предваряющей задание. А задание Тарасов должен был получить уже на месте, во время встречи с группой, члены которой добирались к месту назначения индивидуально.

Капитану Глебу Евдокимовичу Тарасову в июне исполнилось тридцать три года. Он был высок – метр восемьдесят семь – и внушал уважение мощной фигурой, массивной, широкоплечей, перевитой мышцами без капли жира. Волосы у него были не черные, но темные, с проседью, не короткие и не длинные, глаза серые, в зеленую крапинку, нос прямой, с небольшой горбинкой, губы крупные, но твердые, слегка выступавшие скулы, высокий лоб и упрямый подбородок, говоривший о сильном характере. Несмотря на свою «крупногабаритность» и массивность, Тарасов двигался легко и непринужденно, с особой грацией хорошо тренированного человека. Правда, чтобы это увидеть, надо было обладать острым зрением и опытом наблюдателя. На людях капитан умел превращаться в добродушного медлительного богатыря, довольного жизнью и собой.

За свою военную карьеру Тарасов успел пройти несколько войн, побывать за границей, изъездить всю Россию вдоль и поперек и поучаствовать в десятках антитеррористических операций, которые оставили следы на его теле – пулевые и ножевые. Но он был профессионалом своего дела, владел уникальной казачьей системой рукопашного боя «спас» и умел выходить из самых безнадежных ситуаций живым и невредимым. Хотя дед Глеба, старый казак и первый его учитель, говорил, что в идеале воин должен не умело выпутываться из трудного положения, а не попадать в такое положение.

Выйдя из здания аэропорта, напоминавшего небольшую крепость, Тарасов закинул за спину спортивную сумку с пожитками и двинулся к стоянке автобусов, вспоминая, как он попал в элитную учебку спецназа ГРУ, где существовал негласный закон проверки новичков; тогда ему шел всего лишь двадцать пятый год, хотя за плечами уже были Чечня и Таджикистан.

Новичков в учебке ждало нелегкое испытание: после тестов на физкондицию, которые Глеб прошел легко, их «ломали» на занятиях рукопашкой все сотрудники спецкоманды, кто

хотел размяться. Тарасова «ломали» пятнадцать человек, но лишь один из них – инструктор по рукопашному бою «дед» Васильев – смог работать с Глебом на равных. Тарасов легко уходил от любых захватов и ударов, что казалось удивительным при его видимой громоздкости, а в тычковой технике ему не было равных. Но заметили его основные способности – бесшумность, нестандартность мышления при проведении операций и способность перевоплощаться – далеко не сразу. Лишь в тридцать лет он стал старшим лейтенантом Пермского СОБРа, затем членом группы спецназа ГРУ «Омега». В тридцать два Тарасову присвоили звание капитана, но уже в сверхсекретном подразделении, подчиненном непосредственно начальнику президентской службы безопасности. Это была группа специального назначения «Хорс», о которой ничего не знали другие спецслужбы, в том числе ФСБ. Действовала она только по заданиям президента.

Убедившись, что за ним никто не следит, Тарасов сел в душный автобус вместе с двумя десятками пассажиров рейса Москва – Нальчик, встретил любопытный взгляд молодой женщины с ребенком, и мысли капитана свернули к воспоминаниям о собственной семейной жизни.

Женился он еще в двадцать два года, влюбившись без памяти в дочку командира полка, которой тоже приглянулся бравый сержант-сверхсрочник, способный за себя постоять и читавший наизусть Омара Хайяма. Когда ему исполнилось двадцать пять, у четы Тарасовых появилась дочка Акулина. Однако тогда уже их семейные отношения начали ухудшаться, молодая и красивая Людмила все чаще приходила в ярость по пустякам, ждать мужа из многочисленных командировок ей надоело, и рождение дочери ее не успокоило и не разрядило ситуацию. Через два года после этого она ушла от Глеба, забрав дочь.

Однако спустя год он узнал, что Людмила пустилась во все тяжкие, запила, стала употреблять наркотики. Тогда Глеб отпросился в увольнение, приехал в Кострому, где в то время обосновалась бывшая жена, попытался ее образумить, а когда не удалось – просто забрал дочь и уехал по месту службы, в Подмоскovie. Самое интересное, что разыскивать его Людмила не стала. Лишь через три месяца в Москву приехал отец Люды, ставший к тому моменту пенсионером, поговорил с бывшим зятем, убедился, что внучка содержится в хороших условиях, и уехал, успокоенный. Ему было чем заняться к старости: бывший полковник ВДВ имел от четырех детей семь внуков, не считая Акулины.

Конечно, Глеб не мог много времени проводить с дочкой, интенсивно разъезжая по стране, исчезая иногда на две-три недели сразу. С Акулиной занималась сначала няня, потом мать Глеба и двоюродные сестры. Но затем мама умерла от сердечного приступа, и Тарасов отвез дочку в Вологду, к друзьям детства, у которых не было своих детей, к Сергею и Татьяне Зоценко.

Сергей слыл в Вологде известным коммерсантом, сумел открыть свое дело, – его предприятие изготовляло отличного качества льняные и полотняные ткани, не уступавшие западным, – и с энтузиазмом согласился принять в семью пятилетнюю дочку Глеба. С тех пор она жила у Сергея и Тани, а Тарасов приезжал к ним, как только выдавалась свободная минутка. Что дочка ждет его, души в отце не чает и мечтает о поездках на родину отца, Глеб знал абсолютно точно. Когда Акулине исполнилось восемь лет, она все чаще вспоминала об отце (и очень редко о матери), о чем Глебу докладывали потом воспитатели.

Девочка быстро научилась читать, увлеклась рисованием, хорошо училась, очень рано у нее проявились необычные способности: она совершенно точно предсказывала будущее, особенно если это будущее обещало неприятности или несчастья. Сергей рассказал Глебу случай, когда шестилетняя Акулина непустила его и Татьяну на работу. Жили Зоценко на улице Петина и ездили в офис по улице Мира, пересекающей железнодорожные пути. И вот именно в тот момент, когда они должны были ехать по мосту через железную дорогу, мост рухнул, в аварию попали два десятка автомашин, многие водители получили серьезные травмы, трое

разбились насмерть. Таким образом оказалось, что «закапризничавшая» вплоть до слез Акулина спасла своих приемных родителей.

Она и в дальнейшем чувствовала изменения полевой обстановки в окрестностях Вологды и не раз удивляла Сергея с Татьяной точностью предсказаний, выглядевших как фантазии ребенка, но отражавших действительность.

Глеб улыбнулся, вызвав в памяти образ дочери с длинной светлой косой, пухлыми губами и слегка удлинённым разрезом зеленоватых глаз. Подмигнул изображению и получил ответное ментальное подмигивание: их соединял канал внечувственного восприятия, и Тарасов всегда наверняка знал, хорошо дочери в данный момент или плохо. Он и сам обладал кое-какими необычными, с точки зрения нормального человека, способностями: видел в полной темноте, ощущал колебания электромагнитных полей, обладал великолепной интуицией, не раз спасавшей ему жизнь, и мог переходить в скоростной режим движения. Впрочем, это состояние касалось всего образа жизни и называлось темпом. Обладатель темпа усилием воли переходил в измененное состояние сознания и ускорял физиологические процессы организма. Научиться этому было можно, хотя и архитрудно, однако Глеб имел задатки паранорма от рождения, а указания деда и долгие тренировки лишь усилили эффект.

Автобус остановился на площади, возле автовокзала. Тарасов не спеша вышел, окунувшись в облако зноя: температура воздуха здесь держалась под тридцать пять градусов. Люди кругом вяло спешили по своим делам, утомленные зноем, медленно двигались потоки автомобилей, водители которых и пассажиры также изнывали от жары, и никто не обращал внимания на столичного гостя.

Глеб направился к гостинице «Нальчик» в квартале от автовокзала, где ему был заказан номер. В скверике напротив гостиницы он увидел круглолицего человечка с раскосыми глазами, похожего на японца. Он читал газету, одетый, несмотря на жару, в костюм песочного цвета, клетчатую рубашку и летние туфли. Но это был не японец, а эскимос, старлей, член группы, и звали его Имтук Тулунович Анылгин. Хотя в группе он был известен под кличкой Терминатор.

Вообще члены группы никогда не звали друг друга по имени и отзывались только на клички. Тарасова называли Старым, командира группы майора Тихончука – Хохол, подрывника Алексея – Хана, компьютерщика и связиста Сашу – Ухо, снайпера Колю – Черкес, и так далее. Терминатор в группе исполнял обязанности следопыта, охотника и второго снайпера, а в периоды подготовки к операции – завхоза. В Нальчик он отправился раньше всех и теперь ждал прибытия группы.

Тарасов прошел мимо, разворачивая жевательную резинку. Терминатор не пошевелился. Все было спокойно. Тогда Глеб вошел в гостиницу, подал в окошко администратора паспорт на имя Саакпаева Ильи Бешбалыковича и вскоре осматривал одноместный номер на третьем этаже здания с окном во двор. Когда он уже умылся с дороги и переоделся, в дверь тихо стукнули три раза.

Глеб открыл. Вошел Хохол, командир группы, жилистый, вислоусый, морщинистый, темнотлицый, всем своим обликом подтверждавший справедливость данной ему клички.

Майору Тихончуку Владимиру Сергеевичу пошел тридцать шестой год, был он крепок, силен, хитер, великолепно владел армейской боевой системой, всеми видами оружия, а главное – умел руководить и вовремя уводить группу с места действия. В результате за два года работы группа не потеряла ни одного бойца убитым или раненым.

– Слушай анекдот, – сказал он вместо приветствия. – Идет лысый мужик по пустыне. Вдруг из-за угла чья-то рука – хватить его за волосы и шмяк об асфальт!

Тарасов подождал, сказал ровным голосом:

– Это все?

– А тебе мало? – рассмеялся майор. – Что такой невеселый? В самолете не выпался? Пить-есть хочешь? Сейчас сообразим. Слушай еще анекдот. Инспектирующий генерал распекает офицеров полка, все более распаяясь. «Разве это военная часть? Это бардак! А случись тревога?! А война?! Кто Родину за вас защищать будет?! Я, что ли?! Мне она и на хер не нужна!...»

Тарасов наконец улыбнулся.

– Похоже на правду. Где остальные ребята? Что с заданием?

Тихончук-Хохол сделался серьезным.

– Черкес будет к вечеру, Ухо уже работает, остальные ждут. Стемнеет, соберемся на квартире у наводчика, разберемся, что к чему. А пока изучай. – Майор подал Тарасову тонкую брошюру.

– Что это?

– История тюрков.

– Что? – удивился Глеб, расстегивая пуговицу на рубашке. – Зачем?

– Мы будем иметь дело с местным населением, большинство которого – балкарцы, кабардинцы, кумыки и каракалпаки, то есть турки, надо знать их обычаи. И объект наш, между прочим, тоже турк, балкарец. – Тихончук заметил блеснувшую на шее Тарасова цепочку. – Что это? Крест? Кулон?

Глеб качнул головой.

– Талисман. Дед подарил. Ты что, в первый раз видишь? Я всегда его с собой ношу.

– Не видел. Сними, лишняя примета.

– Не могу, это защита. Да и сейчас почти все кресты на цепях носят.

Командир группы нахмурился.

– Не мне тебе объяснять, что такие вещи недопустимы. Хочешь, чтобы тебя потом опознали?

Тарасов подумал, снял с шеи тяжелый серебряный кругляш с выбитыми на нем символами: две двусторонние пятизубые «вилки» крест-накрест и четыре правых свастики, – спрятал в карман.

– Покажи, – заинтересованно протянул руку Тихончук.

Поколебавшись, Глеб подал ему кругляш.

– Интересная штукавина, – хмыкнул майор. – Знаки какие-то... руны, что ли? Что они обозначают?

– Это старославянский амулет Рука Бога, символ Свентовита, высшего божества древних славян, приносящего победу в войне. Обеспечивает защиту от нападения врагов с четырех сторон света.

Тихончук еще раз хмыкнул, вернул талисман.

– Несть числа тайнам мира сего. В эти колдовские штучки я не верю, но верить не препятствую. Носи на здоровье, только не на задании.

– Он будет со мной, – упрямо сдвинул брови Глеб.

– Хорошо, хорошо, только убери с глаз долой. Пошли обедать, я тоже с утра не емши, на воде и на прохладительных напитках. Жарко тут у них, спасу нет.

По давней традиции «не светиться» в гостиницах обедать отправились в более шумное место, где много посетителей, и возле городского парка нашли кафе «Уют», забитое до предела потными телами служащих местных предприятий. Понюхав ароматы зала, Хохол покачал головой и повел Тарасова в ресторан «Эльбрус», располагавшийся в сотне шагов от кафе.

Народу в ресторане было не в пример меньше, по залу шелестел легкий ветерок работающего кондиционера, зато и цены здесь держались потолочные, хотя вряд ли гарантировали особое качество продукции.

– Ни фиги себе! – пробормотал Глеб, пробежав глазами меню. – Обыкновенный бифштекс – четыреста тридцать рублей!

– Во-первых, не обыкновенный, а из мяса, – ухмыльнулся Тихончук. – Во-вторых, это не самая дорогая еда в мире. Ты в Испании или Англии бывал?

– Нет, в Алжире был, в Боготе, в Польше...

– Так вот, самым дорогим блюдом в мире является испанский шафран из тычинок и рыльцев крокуса. Его цена – двести с лишним фунтов стерлингов за сто граммов, или около четырехсот долларов.

– Неужели тебе удалось его попробовать? – недоверчиво прищурился Тарасов.

– А то!.. – самодовольно приосанился майор, потом подумал и со вздохом признался: – Впрочем, не буду врать, шафран я только видел издали. Заказывай, не стесняйся, сегодня плачу я.

Тарасов пожал плечами, заказал грибной жульен, фасолевый суп, форель и кофе. Тихончук, вопреки своим запросам, также остановил выбор на форели, и они без особых изысков пообедали, автоматически сканируя зал ресторана полем внимания. Однако все было тихо и спокойно, никто не следил за ними из-за штор и портьер, никто не вызывал подозрений и не проявлял интереса к гостям.

– Расходимся, – сказал майор, когда они вышли из ресторана, разомлевшие от еды, в пекло улицы. – Особенно не разгуливайся, а после шести будь у себя. Изучай материал.

Тарасов проводил командира группы взглядом и неторопливо побрел вдоль парка к центру города, разглядывая витрины магазинов, но не заходя в них. Обычно он посещал детские магазины, чтобы купить дочке игрушки или сувениры, но только после выполнения задания.

Выяснив у продавца газетно-журнального киоска, что «Детский мир» находится на проспекте Ленина, недалеко от гостиницы, в свою очередь, располагавшейся на улице Лермонтова, Тарасов купил две бутылки минеральной воды, отметил стоическую позу Терминатора, все так же изучавшего газету в сквере (потрясающее терпение у человека!), и поднялся к себе в номер. С удовольствием принял душ, осушил полбутылки ледяного нарзана и растянулся в одних плавках на кровати, взяв в руки «материал» майора.

До вечера Глеб изучал брошюру, узнав много интересного о тюрках вообще и о балкарцах в частности.

Оказалось, что тюркская этнолингвистическая общность включает в себя множество народов, стоящих на разных ступенях культурного, экономического и социального развития. Одни из них, такие, как якуты, тувинцы, шорцы, сохранили языческую веру своих пращуров, другие приняли буддизм, ислам, христианство: хакасы, татары, туркмены, казахи, каракалпаки, кыргызы, узбеки, башкиры, чувашаи, кумыки, карачаевцы, балкарцы и так далее. За последние две тысячи лет неоднократно возникали и рушились великие кочевые империи, волнами расходились по Евразии тюркские племена, сгорая в огне междоусобных смут, войн и стихийных бедствий, рождались и умирали мифы и легенды о могуществе татаро-монголов, гагаузских племен и туркменских князей, возлагавших на себя венец «особой исторической предназначенности», и только одна легенда, не соответствующая действительности, но защищенная ортодоксами-историками, выжила и породила некую «виртуальную» реальность: легенда о татаро-монгольском иге. Во времена, коим приписывалось владычество великих кочевников, существовала единая Великая Русско-Ордынская Империя, завоевавшая полмира и никогда не воевавшая с монголами и татарами, которые сами были простыми воинами Империи.

Вычитал Глеб и кое-какие подробности о жизни кабардинцев и балкарцев, наравне с кыргызами представлявших собой самые древние тюркоязычные народы Центральной Азии.

Впервые они упоминались в конце третьего века до нашей эры в китайских источниках. Последующие столетия их бурной, полной драматизма истории были наполнены борьбой с кочевыми ордами гуннов, уйгуров, жужаней, монголов за самостоятельное существова-

ние. Сражались балкарцы, несмотря на малочисленность, отчаянно, и в девятом веке наступил звездный час в их истории, когда вместе с кыргызами они разгромили уйгуров и стали независимой частью Кыргызского каганата.

Длилась эта идиллия до тринадцатого века, пока кыргызов не потеснила Великоорусская Ордынская Империя, разбив их этнический массив на восточнотуркестанскую и саяно-алтайскую группы. Балкарские отряды стали нести военную службу в рядах регулярного Русско-Ордынского войска на территории Монголии и Туркестана, а затем балкарцы и многие другие малые народы переселились к отрогам Западного Тянь-Шаня, попали в зависимость от халха-монголов и джунгаров и стали вести нескончаемую войну за независимость. Ничего не было удивительного в том, что и в начале двадцать первого века в рядах борцов за свободу и счастье народа появлялись национальные лидеры, ради власти готовые отделить республику от России, как это случилось в Чечне, Ингушетии, Татарстане и даже на Урале, который некие политики хотели сделать «свободной Уральской республикой» и вывести из состава Российской Федерации.

Таков был и «балкарский орел» Султан Мастафов, бизнесмен, депутат Городского собрания, открыто призывающий к вооруженной борьбе против «завоевателей» – русских, подстрекающий сепаратистские настроения и национальную неприязнь и умело инспирировавший конфликты на этническо-религиозной почве на всей территории Кабардино-Балкарии.

Цель группы, в которую входил Глеб Тарасов, была «нейтрализация угрозы конституционному строю», то есть захват Мастафова и переправка его в Москву, где с ним должны были работать другие люди. Если захват по каким-то причинам был невозможен, командир группы решал на месте, оставлять объект в живых или нет. Правда, обычно группа справлялась с заданием и до ликвидации объекта дело не доходило.

Группа особого назначения «Хорс» была создана лично президентом Прямушиным, бывшим полковником спецслужб, из самых сильных и засекреченных профессионалов Главного разведуправления Генерального штаба Российской Армии и спецвойск МВД для «защиты Конституции России». Ее численность была невелика: десять человек занимались разведкой, сбором данных и анализом обстановки, обеспечением исполнителей всем необходимым, используя самые современные технологии и системы, вплоть до компьютерных сетей Министерства обороны, семь человек представляли собой активное ядро, отряд исполнителей, способных действовать адекватно в любой экстремальной ситуации. Бойцом этого подразделения и был капитан Тарасов.

В начале седьмого к нему зашел Тихончук.

– Запоминай адрес: улица Пушкина, семьдесят семь, квартира три. Это рядом с телевышкой. Встречаемся в половине восьмого. Начинаем работать, поэтому проверься.

– Обижаешь, начальник. Все прибыли?

– Вопрос отметаю как лишний. Простудировал материалчик?

– Вопрос отметаю как лишний.

– Ага, тогда на вот, почитай еще. – Хохол протянул Тарасову лист бумаги с текстом на русском и балкарском языках. – Это обращение местного Союза национального самосознания к народу. Любопытный документик.

Майор ушел.

Глеб разгладил бумагу и прочитал: «Мы, молодые защитники Отечества, обращаемся ко всем тем, кому надоело жить в этом бардаке под игом пришельцев с севера, в стране, созданной обалдевшими от маразма и застарелых амбиций функционерами КПСС, дело которых продолжили их бывшие ученики-комсомольцы и агенты спецслужб. Эти люди монополизировали право определять наше будущее! Они украли и распродали государство, которое на своих костях тысячи лет строили наши деды и прадеды. Они поставили нас на огромные деньги, взяв под бешеные проценты займы на Западе, а отдавать их придется нам, наши детям и внукам,

всему народу! Они сделали нас рабами собственного разгильдяйства, оставаясь неприкасаемыми. Они предали народ, пообещав старикам покой, молодым работу, и ничего не сделали! Зато они имеют власть и шикарные дачи...»

Глеб хмыкнул, повертел в руках листок, дочитал концовку: «Пора нам самим осуществить свое право определять нашу судьбу и решать за себя наши проблемы! Для начала надо немедленно объявить независимость нашей маленькой, униженной, страдающей, но гордой Республики от Российского монстра! Пусть Россия идет своим путем, мы пойдем своим! Присоединяйся к нам! Если ты с нами, если ты хочешь жить свободно, в принадлежащем только тебе мире, хочешь строить его и защищать, иметь свой кусок хлеба, вступай в наш Союз! Мы изгоним завоевателей с наших земель, сбросим ярмо рабства и станем Великой Державой! Кто не с нами, тот против нас!»

Молодец, господин Мастафов, подумал Глеб, пряча листовку в карман. Знает, какие струны необходимо задеть в душе каждого, чтобы вызвали националистические настроения. Он действительно опасен.

В половине восьмого Тарасов отыскал нужную квартиру, за которой вел наблюдение еще один член группы – Коля Черкес, подавший капитану условный знак, что все спокойно. Глеб постучал в обитую черным дерматином дверь, его впустили. В двухкомнатной квартирке, в которой почти полностью отсутствовала мебель, собрались все, с кем Тарасов работал уже два года.

Алексей Хана в расстегнутой до пупа рубашке потягивал пиво. Роман по кличке Ром тоже держал в руке жестянку с пивом. Он жары не боялся и был одет в серый костюм с галстуком. Саша-компьютерщик по кличке Ухо сидел за столом и колдовал над хайдером¹. Очкастый, тощий, вихрастый, он не производил впечатления супермена, однако был прекрасным специалистом своего дела, мог взломать защиту любого сервера и при нужде постоять за себя, владея универсальной боевой системой. В группу он перешел из Управления специальных операций ФСБ.

Терминатор, так же спокойно переносивший жару и духоту, несмотря на менталитет северного человека, ослабил, увидев Тарасова, и помахал ему рукой. Он следил за улицей. Почему-то эскимос относился к Глебу с большим расположением, чем к остальным коллегам.

Глеб поздоровался с ним за руку, подставил ладонь под удар Алексея, обнял Романа и потрепал по плечу Сашу.

– Не могу представить тебя без компа. Ты, наверное, и спишь с ним.

– Это его приставная рука, вернее, голова, – хохотнул загорелый улыбчивый Роман, постриженный почти под ноль. – Причем основная. – Он повернулся к Тарасову. – Тебе атаман давал читать листовку? Что ты об этом думаешь?

– По большому счету, составитель текста прав, – вмешался в разговор Хана. – Особенно в части предательства властителей и олигархов. Я бы их сам передавил как тараканов.

– Мне больше понравилось про быдло, – сказал Глеб, – поднявшееся на вершины власти. Из грязи в князи. Что в Думу, что в правительство.

– Надо подкинуть президенту идейку почистить верхние эшелоны, – кивнул Роман. – Делегируйте меня к нему.

– Тебе вредно пить алкоголь, – осуждающе покачал головой Терминатор. – После него тебя тянет на подвиги.

– Это же только пиво, – удивился Роман. – К тому же, как говорил Миша Жванецкий, алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах.

Тарасов засмеялся.

Вошел Черкес.

---

¹ Хайдер – переносной компьютер в виде перчатки, надевающийся на руку, с раздвигающимся веером пластин управления.

Из кухни в гостиную на стук двери выглянул Тихончук, за ним – небольшого роста чернявый мужчина средних лет, видимо, хозяин квартиры.

– Что там?

Черкес молча показал кольцо из большого и указательного пальцев, что означало: все тихо.

– Тогда начнем, господа. Хватит трепаться и пить всякую гадость.

– Одну минуту, – бросился к туалету Роман, – кажется, мое пиво дошло до конца.

Все засмеялись.

– Несерьезный человек, однако, – осуждающе покачал головой Терминатор.

– Знакомьтесь, – сказал Тихончук. – Амид, наш друг и проводник, работник местного отделения Федеральной службы безопасности. Сочувствует, так сказать, нашему делу. Он поможет нам сориентироваться на местности. Теперь хочу напомнить всем, что это не крестовый поход и не карательная экспедиция. Наша цель – захват экстремиста, а не мочилровка подонков.

– То есть ты хочешь сказать, что мы будем работать без оружия? – прищурился Черкес, владевший всеми видами холодного оружия лучше всех в группе.

– Оружие, товарищ старший лейтенант, получите на финальной стадии операции, – посмотрел на него майор. – А пока обойдемся без десантных фонарей, пятнистых комбизов и сухпая. Теперь кончайте чесать языки и слушайте сюда. Диспозиция такова. Рассказывай, Амид.

– Извините за неудобства, – сказал с акцентом проводник. – Можете сесть на кровать.

– Постоят, – махнул рукой Тихончук.

– Думцы сейчас на каникулах, и Мустафов в Доме Советов не появляется, поэтому брать его придется в другом месте. В основном он посещает три объекта: ипподром, дачу с выходом на пляж и ресторан «Адыгей». Я бы посоветовал брать его на ипподроме.

– Почему не на даче? – хмыкнул Черкес.

– Султан считает ипподром своей вотчиной, у него там офис, и он не будет ждать нападения именно в хорошо охраняемой, по его мнению, конторе. Дача же считается стандартно уязвимым объектом и поэтому будет охраняться усиленно. Можем нагнать.

– Логично. Шум нам ни к чему.

– Охраняют Султана спецназовцы из республиканской бригады охраны особо важных персон, ходят во всем черном, на рукавах эмблема: двухголовый волк. Но его, кроме «волков», сопровождают везде четверо личных телохранов, все – бывшие спортсмены, боксеры и каратисты. В том числе бывший чемпион ближнеазиатских боев без правил Али Билялов по кличке Дракон.

Бойцы группы переглянулись.

– Кажется, я что-то слышал о нем, – проговорил Черкес. – Года три назад с ним произошла какая-то некрасивая история...

– Во время соревнований он убил противника, – усмехнулся смуглолицый Амид. – Отсидел год в тюрьме и вышел, после чего оказался в команде Султана. Очень сильный, жестокий и опасный человек.

– Не таких ломали, – пренебрежительно махнул рукой Роман, но поймал выразительный взгляд майора и сконфуженно умолк.

– Досье на Мустафова имеется? – спросил Тихончук.

– Как и на любого политика такого масштаба. Любит выпить, любит девочек, особенно несовершеннолетних, пятнадцати-шестнадцатилетних, балуется наркотой, торгует лошадьми, подозревается в похищении людей с целью получения выкупа. Но местное УВД у него на коротком поводке, поэтому ни одно заведенное уголовное дело до суда не дошло.

Черкес покачал головой.

- Вы все знаете и ничего не делаете, чтобы вывести его на чистую воду?
  - За ним стоят слишком мощные силы...
  - Все равно!
  - Остынь, Черкес, – бросил майор. – Потому мы и здесь, что с Мастафовым иными методами справиться невозможно. Бандиты везде полезли во власть, купив милицию и прокуратуру.
  - Хорош наш «балкарский орел», нечего сказать, «защитник сирых и убогих, радетель за свободу отечества». Сепаратист поганый!
  - Тем лучше для нас, в случае чего такого и шлепнуть не жалко, – проворчал Хана.
  - Итак, господа профессионалы, – прервал подчиненных майор, – у нас три дня на изучение местности, поиск подходов к объекту и подготовку операции. В субботу он должен быть упакован и отправлен «диппочтой» в Москву. Продолжай, Амид, показывай ипподром.
- Проводник достал карту города и расстелил на столе.
Группа «Хорс» приступила к изучению места проведения операции захвата.

Бывший государственный республиканский, а теперь частный ипподром располагался на краю Нальчика, где начиналось Баксанское шоссе, и занимал площадь в сто двадцать два гектара. С юга его ограничивала Черная речка, западная часть выходила на городскую свалку, а восточная и северная окраины ипподрома упирались в хилый лесочек. Подобраться к нему незаметно можно было с любой стороны, однако группа Тихончука имела другой план и намеревалась привести его в исполнение на глазах многих десятков человек, завсегдатаев ипподрома, пришедших в субботу полюбоваться на скачки и поучаствовать в тотализаторе.

Тарасов подъехал к ипподрому со стороны служебного входа на белом, с красной полосой и крестом, «бычке». Охрана стоянки, где уже красовался «шестисотый» «мерс» Мастафова и четыре джипа разного калибра, не обратила особого внимания на машину «Скорой помощи», так как это было в порядке вещей. Во время скачек у ипподрома всегда дежурила бригада медиков, так как нередко случались падения жокеев, а то и драки среди зрителей, сопровождавшиеся травмами и увечьями. Правда, на этот раз вместо врача и медбрата приехали Тарасов и Роман, заменив настоящих медиков за полчаса до их появления на ипподроме. В данный момент врач и два санитар мирно спали в грузовом вагоне на железнодорожном вокзале Нальчика.

Глеб поставил машину рядом с джипом «Рендровер», и они с Романом, одетые в белые халаты, не торопясь, двинулись к весовой, где обычно встречались все официальные лица ипподрома. Вежливо здороваясь с охранниками у ворот и на входе в административное двухэтажное здание ипподрома, за которым располагались многоярусные трибуны, они проследовали гулким прохладным коридором к выходу на поле и устроились на своем рабочем месте между кабинкой судьи и столиком с весами. Навес защищал их от прямых лучей солнца, что облегчало ожидание. Тарасов сделал вид, что наблюдает за жокеями в разноцветных костюмах, а сам нашел глазами Черкеса и Ухо, сидевших на самом верху трибун. Ложа для особо важных гостей располагалась в центре трибун, нависая над первыми рядами. Мастафов уже находился здесь вместе с мэром города и своими друзьями, контролирующими весь игорный бизнес Нальчика.

Начались скачки. После третьей – чегемской барьерной с гандикапом – заговорила рация в ухе Тарасова:

- Тройка и четверка, внимание! Скоро ваш выход!
- Мы готовы, – почти не шевеля губами, ответил Глеб.
- Красиво пошли, – сказал Роман, кивая на рванувших с места одиннадцать лошадей. Одна из них, начавшая бег у внутреннего ограждения, с жокеем в красной шапочке, караковый жеребец по кличке Ветер, сразу вышла вперед, вызвав бурю криков на трибунах.

Султан Ахмедович Мастафов, грузный, большеголовый, с гривой черных волос, падающих на плечи, с хищным носом и небольшими усиками, не красавец, но из тех, на ком взгляд невольно задерживается, сидел в окружении приятелей, смеялся, пил холодное пиво, совершенно при этом не потея, и разговаривал с женой мэра, полной блондинкой. Мэр, похожий на него фигурой и осанкой, благодушно улыбался. Одеты оба были в одинаковые белые летние рубашки с короткими рукавами и белые брюки, и Тихончук, наблюдавший за объектом через оптический прицел снайперской винтовки (он сидел в полутора километрах от трибун ипподрома, на холмике за ограждением, в кустах), волновался за своих бойцов, вполне способных перепутать цель.

Однако беспокоился он напрасно.

Как только скачка закончилась, – ее выиграл караковый Ветер с жокеем в красном, – и трибуны ликующе взревели, Терминатор, играющий роль разносчика прохладительных напитков, с трех метров выстрелил в Мастафова из парализатора, спрятанного в лотке. В следующее мгновение владелец ипподрома обмяк и мешком сполз с сиденья на пол яруса.

– Врача! – закричал Терминатор тонким голосом.

– Вперед! – проскрипела рация в ухе Тарасова.

Захватив носилки, Глеб и Роман бросились по ступенькам вверх, в ложу для особо важных лиц, где уже началась легкая паника, суетились телохранители Мастафова и начала собираться толпа зрителей. Медиков пропустили к телу босса почти беспрепятственно. Телохранители были растеряны и не знали, что делать. Выстрела Терминатора они не слышали и не могли слышать, парализатор «нокаут» работал бесшумно, а его энерголуч был не виден.

– Оттесните всех назад! – приказала «врачиха» (Роман) самому могучему из охранников Мастафова; это и был Али Билялов – Дракон. – Дайте воздуха.

Дракон посмотрел на медиков в недоумении, и Роман добавил, наклоняясь над закатившим глаза владельцем ипподрома:

– Сделайте вентиляцию.

Телохранители сняли пиджаки, обнажив подмышечные кобуры с пистолетами, и стали махать над телом босса, «делать вентиляцию».

Роман прижал пальцы к шее Мастафова, затем приложил ухо к груди. Нашел глазами Тарасова:

– Носилки! Кислородную маску!

Тарасов умело развернул носилки, открыл чемоданчик с медицинскими причиндалами, подсоединил к патрубку маски кислородную подушку.

– Что с ним? – угрюмо поинтересовался Дракон.

– Сердце, – коротко отозвалась «врачиха». – Возможно, инсульт. Грузите его на носилки, быстро в «Скорую»!

– Мы повезем его на своей машине.

– У вас нет необходимой аппаратуры и средств первой помощи. Помогите санитару.

Дракон махнул рукой своим подручным, они уложили тяжелое тело Мастафова на носилки и понесли к выходу. Тарасов шел рядом, придерживая на лице «больного» маску и кислородную подушку.

У машины их ждал Черкес в белом халате, успевший спуститься с трибун вниз и переодеться. Открыл задние дверцы «бычка», вскочил внутрь, прикрикнул баском:

– Осторожнее, не уроните!

Носилки с телом Султана Ахмедовича погрузили в машину. Роман быстро закатал рукав «больного» и померил давление, в то время как в кабине умещались «санитары» и телохранители директора ипподрома. Они хотели залезть все четверо, но «врачиха» строго скомандовала:

– Двое останьтесь, остальные вон! Поедете следом. – Она повернулась к Тарасову. – Гони в кардиоцентр, Володя, в Дубки, в «Скорой» нет такого оборудования. – Взгляд на Черкеса. – Готовь укол, Шариф. Кордиамин, коргликон, глюкоза.

Тарасов сел за руль и погнал «Скорую» прочь от ипподрома, как только охранник открыл ворота. Включил сирену. За ним рванулись два джипа с охранниками Мастафова.

Кавалькада помчалась по шоссе к центру города, свернула направо, двигаясь к окраине Нальчика, где находился республиканский кардиологический центр. Однако до больничного городка в Дубках она не доехала.

На улице Мансура Тарасов резко увеличил скорость, проскакивая мимо выезжавшего из переулка почтового фургона, перегородившего проезжую часть улицы, и джипы сопровождения вынуждены были остановиться. Тарасов свернул в переулок за аптекой, затем во двор старого пятиэтажного дома, где среди стареньких «Жигулей» и «Нив» стоял точно такой же «бычок» с красным крестом на боку. Он тут же тронулся с места, вырывая на улицу. На месте водителя сидел Хана.

– В чем дело? – насторожился Дракон, выглядывая в окошко.

– Приехали, – сказал Тарасов, оборачиваясь и стреляя в телохранителя Мастафова из парализатора.

В то же мгновение Черкес вонзил в шею второго телохранителя иглу с препаратом, вызывающим шок, а затем длительный сон.

– Я пошел. – Роман выпрыгнул из кабины «бычка», как был, – в халате, сел рядом с Ханой, играющим роль шофера второй «Скорой помощи», и они уехали, чтобы отвлечь сопровождение на джипах, пока охранники не опомнились. В Дубках бойцов группы ждал на стареньком «БМВ» Амид, знавший окрестности как свои пять пальцев.

Тарасов и Черкес перегрузили тело Мастафова в стоящий во дворе минивэн «Колхида» серебристого цвета, с темными стеклами. Глеб поставил машину «Скорой помощи» с лежащими внутри телохранителями Султана Ахмедовича в нишу между металлическими гаражами, чтобы он был не виден с улицы, вылез из кабины и столкнулся с Драконом, ударом ноги сорвавшим дверцу салона.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Глаза у бывшего чемпиона боев без правил были мутные, но с каждым мгновением прояснялись, светлели, наливались яростью и свирепой жадой убийства. Глеб стрелял в него сквозь стену салона машины, и луч парализатора, очевидно, был частично поглощен металлическим листом. А может быть, дремучая психика телохранителя была маловосприимчива к психотронному излучению.

Дракон, широкий, могучий, в буграх мышц, с длинными руками, кривоногий, низколобий, ударил.

Глеб качнулся влево, пропуская мощный кулак противника, ударил в ответ, отбрасывая его к воротам ближайшего гаража.

Дракон снова пошел вперед, как танк, заработал кулаками, сделал молниеносный выпад ногой, целя Глебу в колено, и тому пришлось ставить блоки и уходить от ударов, каждый из которых вполне мог пробить кирпичную стену. Наконец он перешел на темп и дважды опередил противника, попав по нервным узлам на предплечьях и под мышками, заставив Дракона опустить парализованные руки. Затем Тарасов свил спираль целостного движения, стохастическим элементом которого была траектория тела Дракона, и нанес один-единственный точный удар с выплеском энергии.

Тычковый – костяшками пальцев – удар пришелся в переносицу гиганта, и телохранитель Мастафова молча рухнул навзничь с остановившимся взглядом.

К «бычку» подскочил Черкес с пистолетом в руке.

– Что ты тут возишься?! Этого бугая только пулей достать можно. – Он глянул на сорванную дверцу, на тело Дракона. – Мать твою! Ну и шкаф! Ты в него не попал, что ли?

– Попал, но у него не голова – кость одна. Вот и пришлось дать честный бой.

– Тебе повезло, в честном бою всегда побеждает жулик, а он уж точно жулик! Поехали, а то сорвем график. Хорошо, что сегодня суббота, все сидят по домам.

Они забрались в «Колхиду», и Тарасов погнал машину по улицам Нальчика на север, в сторону аэропорта. Через полчаса они были на месте, на краю летного поля, к которому можно было легко подобраться пустырем. Здесь их у вертолета ждали Тихончук, Ухо и пилот, входящий в группу обеспечения. Еще через минуту, переложив спящего Мастафова в кабину вертолета, они были в воздухе. Главное было пересечь границу Кабардино-Балкарии до начала тревоги и попытки милиции республики перекрыть дороги и воздушное пространство. В Минеральных Водах группу ждал фургон с фруктами, оборудованный спецкабинкой для транспортировки людей, в котором люди майора собирались довезти Мастафова до Москвы.

Точно так же действовали и бандиты, похищавшие людей с целью выкупа. Группа «Хорс» хорошо изучила методы работы похитителей, применяя их для своих целей. Только действовала она с благими намерениями и по заданиям первого лица государства, объявившего войну террору и коррупции.

– Тройка, пятерка, что у вас? – включил рацию Тихончук.

– Все в порядке. Настырные ребята эти охранники, – отозвался Роман. – Еле оторвались. Спасибо Амиду, иначе пришлось бы уходить в полном контакте, что чревато.

– Где Терминатор?

– С нами, только что подобрали.

– Добирайтесь домой по варианту «А», но не забывайте главное правило.

– Не занудствуй, командир, мы хоть и любим исключения из правил, но инструкции блюдем.

– Конец связи.

– Аминь!

– Тьфу, дурак! – выругался Тихончук, выключая рацию. – Когда-нибудь язык подведет его под монастырь.

– А о каком ты главном правиле упомянул? – поинтересовался Черкес.

– Есть такое спецназовское уложение: телеграфный столб бьет машину только в порядке самозащиты.

Тарасов засмеялся, вдруг ощущая, как с души свалился камень. Они снова выполнили задание, не наделав ошибок, не потеряв при этом ни одного человека и не допустив гибели случайных людей. Именно это обстоятельство и позволяло капитану справляться с угрызениями совести, так как он вполне отдавал себе отчет, что группа действует вне закона. Несмотря на благие цели и личную заинтересованность главы государства в ее успешной деятельности.

Москва

Похищение

Москва издавна привлекала охочий люд со всех концов государства. Здесь можно было найти защиту от беззакония и легко сбыть продукцию своего труда. Бояре, князья и монастыри стремились привлечь как можно больше трудолюбивых ремесленников в свой город. Ремесленники же селились, как правило, вместе: кузнецы – с кузнецами, кожевенники – с кожевенниками, мануфактурщики – с мануфактурщиками. Так в столице появились специальные слободы. Обитателям слобод давались особые привилегии, в частности, освобождение от налогов или охранные грамоты.

Мещанская слобода образовалась другим путем.

Во время русско-польских войн второй половины семнадцатого века жители многих пограничных польских городов и деревень оказались в зоне боевых действий. Некоторые из поляков выразили желание переехать в Россию сами, другие были переселены насильственно. В число последних входили не только военнопленные, но и мирные граждане, захваченные русской армией и обращенные в холопство. В Москве их стали расселять в особой слободе, учрежденной в конце тысяча шестьсот семидесятого года и названной Мещанской – от польского слова *meiszczanin*, то есть горожанин. За Сретенскими воротами Земляного города отвели землю и разделили между мещанами.

В планировке Москвы до сих пор сохранились следы этой слободы: несколько длинных, идущих параллельно, улиц, так же называемых Мещанскими. Главная же улица бывшей слободы – Первая Мещанская, в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году в связи с происходившим тогда в Москве Всемирным фестивалем молодежи и студентов была переименована в проспект Мира. Именно на этой улице, по сути – одной из главных сухопутных дорог, соединявших центры нескольких княжеств – Москвы, Переславля-Залесского, Ростова, Ярославля, – и купил квартиру в конце двадцатого века один из известнейших музыкантов и дирижеров России Дмитрий Тарик-Магиев.

Родился Дмитрий Исаевич в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году в Ингушетии, в восемьдесят восьмом перебрался в Ленинград, стал известен далеко за пределами Ленинграда как скрипач-виртуоз, музыкант симфонического оркестра Ленинградской филармонии. В середине девяностых он стал художественным руководителем филармонии и главным дирижером оркестра. В начале двадцать первого века Тарик-Магиев узнал весь мир. Он возглавил театр оперы и балета Санкт-Петербурга, много времени проводил за границей, дирижируя Лондонским и Филадельфийским оркестрами, а затем переехал в Москву как главный дирижер Русского государственного симфонического оркестра.

В две тысячи втором году он женился на дочери известного певца Камышинского, а в две тысячи третьем у Тарик-Магиевых родился сын.

Жили супруги сначала в квартире у тестя на Тишинке, потом Дмитрий Исаевич купил четырехкомнатную квартиру в Мещанской слободе, в доме номер двадцать по проспекту Мира, и семья переехала в отделанное по европейскому стандарту жилище.

Дом этот когда-то принадлежал Григорию Захарьину, знаменитому московскому эскулапу, грозе и последней надежде заболевших столичных богатеев. Он был крупным ученым, основоположником русской клинической терапии, необыкновенным диагностом, о котором ходили легенды, умеющим якобы с первого взгляда распознавать любую болезнь.

После Захарьина дом перешел во владение к его сыну Сергею. Затем здание в тысяча девятьсот девятом году приобрел сибирский купец Василий Афанасьевич Арацков, который заказал молодым архитекторам братьям Весниным переделать старый дом: так появился бал-

кон по фасаду, окна были расширены, антресоли разобраны, изменились интерьеры. Таким этот старинный дом и дошел до начала третьего тысячелетия. Внутреннее его убранство изменили уже новые владельцы квартир, среди которых было немало известных людей, политиков, депутатов Госдумы, бизнесменов и бандитов.

Дмитрий Исаевич продолжал ездить по странам мира с выступлениями, редко бывая дома. Сына воспитывали гувернантки и старики, родители музыкальной пары. Лидия Камышинская пела в хоровой капелле и тоже бывала дома нечасто. Беда случилась, когда их сыну Руслану исполнилось восемь лет.

Он уже заканчивал второй класс частной школы «Фратрис», готовился на летние каникулы уехать в Швейцарию, где обычно отдыхал Дмитрий Исаевич, который вопреки желанию жены и родственников не спешил отдавать сына в европейские учебные заведения.

Обычно Руслана отвозил и привозил из школы охранник квартиры, он же водитель личного автомобиля Тарик-Магиева; у дирижера был «Вольво» последней серии. Но если Дмитрий Исаевич был в Москве, он сопровождал сына лично.

Так было и в этот день двадцать третьего мая, во вторник. Дмитрий Исаевич отвез Руслана в школу утром – занятия начинались в восемь сорок пять – и отправился за ним к семи часам вечера, чтобы доставить домой и позаниматься с сыном. Через три дня он должен был лететь в Германию и старался провести с Русланом как можно больше времени.

Охранника на этот раз он с собой не взял, уверенный в себе, не задумывающийся о криминальной обстановке у себя на родине, которую он практически не знал.

Руслан рос мальчиком болезненным, физкультуру и спорт не любил, носил очки и стеснялся участвовать в играх сверстников. Зато любил читать, и квартира Тарик-Магиевых напоминала библиотеку, в которой с удовольствием рылся отпрыск дирижера.

Поговорив с классной руководительницей, Дмитрий Исаевич взял Руслана за руку и повел к выходу. Въезд на территорию школы запрещался, и автомашины приезжавшие за чадами родители ставили за оградой школы, между линейкой старых девятиэтажек и оградой парка. Когда Дмитрий Исаевич усадил сына в машину и собирался сесть за руль, к нему подошла миловидная женщина с ярко накрашенными губами и сказала хрипловатым голосом:

– Простите, пожалуйста, Дмитрий Исаевич, вы мне не поможете? У меня машина не заводится.

– Вы меня знаете? – удивился Тарик-Магиев.

– Моя дочь учится с вашим сыном в одном классе. Лиля Березанская.

– Но я не слишком опытный водитель...

– У меня такая же машина, как и у вас, – «Вольво».

– Где она?

– Да вон стоит, у соседнего дома.

– Хорошо, пойдемте посмотрим. Руслан, вылезай. – Дмитрий Исаевич открыл дверцу машины, помог сыну выбраться.

Они направились вслед за родительницей, которая поспешила вперед, оглядываясь на них с виноватой улыбкой. На двух мужчин мрачного вида, возившихся у джипа «Мерседес» неподалеку, и на еще одного молодого человека, прохаживающегося возле соседнего подъезда с трубкой мобильного телефона в руке, Тарик-Магиев внимания не обратил.

Был теплый весенний вечер конца мая, откуда-то из парка доносилась музыка, слышался смех, жители девятиэтажек возвращались с работы, многие выгуливали собак, людей вокруг было много, и эта их бытийная суeta приводила душу в умиротворение. Лишь опытный взгляд мог заметить целенаправленное движение нескольких человек, сосредоточивших внимание на одной цели. Однако музыкант и дирижер Дмитрий Исаевич Тарик-Магиев не обладал таким взглядом.

– Вот, полюбуйтесь. – Мнимая мама одноклассницы Руслана села за руль серого цвета «Вольво» сотой модели, включила двигатель, но он не завелся. – Не знаю, что случилось. Всегда заводился с пол-оборота.

– Бензин есть?

– Кажется, полбака. Свечи я проверила. Сядьте на мое место, посмотрите опытным мужским оком.

Дмитрий Исаевич не без колебаний занял место водителя, попробовал повернуть ключ зажигания, в то время как его сын стоял рядом, с интересом следя за отцом. Оба они не заметили, как за спиной родительницы возник загорелый молодой человек в джинсовой безрукавке, с телефоном в руке.

– Да вы же не выключили противоугонку, – обрадовался Дмитрий Исаевич, вдруг заметив мигающий над рукояткой переключения скоростей огонек «клифффорда».

– Да? – наклонилась к нему женщина и выстрелила из парализатора, не вынимая его из сумочки.

И Тарик-Магиев потерял сознание, не успев понять, в чем дело.

– Садись, – распахнула заднюю дверцу женщина, подталкивая Руслана. – Прокатимся.

Мальчик растерянно посмотрел на уткнувшегося лбом в панель управления отца, попытался освободиться от цепкой руки женщины, но из кабины высунулась рука молодого человека с телефоном, неведомо как оказавшегося в салоне, и дернула Руслана к себе. Очки с него упали на землю, но похитители не обратили на них внимания.

Возле автомашины остановился джип «Мерседес», загораживая «Вольво» от подъезда дома, двое мужчин мгновенно пересадили безвольное тело дирижера на место пассажира, сели в джип и уехали. Женщина села за руль, дверцы «Вольво» закрылись, машина тронулась с места, выкатилась на улицу и исчезла.

Все это произошло так быстро, слаженно, тихо, без суеты, что ни один человек возле школы не обратил внимания на эту сцену. Лишь бомж, проходивший мимо шеренги автомашин в поисках пустых бутылок, заметил лежащие на земле очки, покачал головой и прошел мимо. Потом вернулся, чтобы поднять и положить в карман. На всякий случай.

О том, что известный дирижер Тарик-Магиев пропал без вести вместе с сыном, управлению внутренних дел района стало известно через час двадцать минут после случившегося. В милицию позвонила обеспокоенная молчанием мужа супруга Дмитрия Исаевича. Еще через полчаса была найдена его машина, мирно стоявший у ограды школы «Фратрис». Был объявлен розыск Тарик-Магиева, введен план «Перехват», однако это ничего не дало. Дмитрий Исаевич и его сын Руслан словно растворились в воздухе, не оставив следов. Одно казалось ясным милицмейским специалистам: произошло очередное похищение обеспеченного человека, за которого можно получить хороший выкуп. Такого рода бизнес продолжал процветать на российских просторах, и арест многих лидеров преступных банд, промышлявших разбоем, покушениями и похищениями людей, не останавливал тех, кто хотел заработать таким способом и имел скрытые базы.

В тот же день двадцать третьего мая по всей территории России было совершено тридцать одно нападение на граждан, двадцать восемь из которых закончилось похищением заложников. В России окончательно сформировался устойчивый механизм спроса на похищения, была создана схема взаимоотношений между властными структурами, в том числе военными и спецслужбами, легко превращающая любые, внешне кажущиеся чисто политическими, обстоятельства в обычный бизнес. За многими событиями, запомнившимися обществу как громкие политические скандалы, реально стояли деньги и только деньги. Зачастую – очень большие деньги!

Торговля людьми как род бизнеса зародилась на Кавказе задолго до начала первой чеченской войны. Впервые об этом заговорили еще в Карабахе, где практика обмена и выкупа заложников получила широкое распространение. Тогда вопросы обмена решались «по-соседски» и привели к образованию в Карабахе мононациональных сел.

Практика получения прибыли от целенаправленного захвата людей приобрела широкое распространение во время войн в Южной Осетии и Абхазии. Так, например, была похищена мать бывшего первого секретаря Юго-Осетинского обкома КПСС, за которую был заплачен выкуп, несмотря на то, что спецслужбы республики знали о местонахождении пленницы.

В дальнейшем, когда практика захвата ради выкупа родственников обеспеченных граждан приняла на Кавказе угрожающие масштабы, в подавляющем большинстве случаев родственники предпочитали платить выкуп, а не проводить спецоперации по освобождению или изматывать похитителей бесконечными переговорами. И этот бизнес начал перемещаться с Кавказа в центральные и даже северные районы России, достигнув пика к окончанию второй чеченской войны, переросшей в бандитско-партизанскую. Но и годы спустя людей продолжали похищать, причем не только пришельцы с Кавказа, но и доморожденные бандиты.

Вся территория России превратилась в один огромный страшный рынок по торговле заложниками.

Конечно, нельзя было утверждать, что с этой напастью не боролись. Оперативники Центрального регионального управления по борьбе с организованной преступностью не раз задерживали банды, занимавшиеся похищениями людей. Например, в апреле в Москве бандиты похитили сына вице-президента концерна «Фторопласт», потребовав за его жизнь выкуп в семь миллионов долларов. Через миссию ОБСЕ семья предпринимателя получила фотографию сына и записку от него: «У меня пока все нормально, но неизвестно, что будет дальше. Обстановка с каждым днем накаляется». Он также написал, что удерживается на территории Ставропольского края. Пятого мая при передаче денег в райцентре Старица Тверской области были задержаны главарь банды Ипал Салманов, его двадцатилетний сын Талбек, брат Исламбек, все трое – уроженцы Самашек, и двое русских – Грязнов и Любихин из Твери. Сына предпринимателя удалось освободить. Но это была буквально капля везения в море неудач правоохранительных органов.

Похищения людей продолжались.

Над Землей летали орбитальные станции «Альфа» и «Мир», строилась китайская станция, готовилась экспедиция на Марс, заработал первый термоядерный реактор, ученые на адронном синхротроне-коллайдере расщепили протон и обнаружили бозон Хиггса, компьютеры научились слушать речь и говорить с оператором, но в сфере межчеловеческих отношений почти ничего не изменилось. Люди по-прежнему продолжали воевать друг с другом за деньги, порождающие такую эфемерную и такую реальную структуру, как власть.

Москва. Кремль

Кое-какие секреты

Кабинет для доверительных бесед президента Прямушина Георгия Георгиевича представлял собой большую, но светлую и уютную комнату с голубыми, украшенными майоликой стенами, красивыми оконными портьерами с видами Фудзи и люстрой «хрустальный терем», изготовленной в Гусь-Хрустальном по специальному заказу. Президент был человеком сравнительно молодым, спортивным, ценил эстетику и комфорт, а главное – почти предельную функциональность, поэтому мебель в своих кабинетах выбирал из коллекций известной французской компании «Ligne Roset», которую предпочитали многие знаменитости Европы и Америки, вплоть до премьер-министров и президентов. В кабинете для бесед была установлена гарнитурная гостиная «Голубая Луна» с «ласковыми» креслами «калан», диваном «togo», красивыми стеклянными бра, вырастающими прямо из стен, столом-«бегемотом» и «плавающими» по полу изящными аппаратными стойками с компьютерным комплексом, аудио- и видеоаппаратурой.

Свой гардероб президент приобретал в основном за границей, у известных французских модельеров, но изредка позволял себе шить костюмы у отечественных кутюрье, славившихся своей экстравагантностью. В таких костюмах он любил появляться в театрах и на различных неофициальных приемах, шокируя публику. В данный момент на Георгии Георгиевиче был голубой костюм в талию с белыми отворотами, черная рубашка и шарф-галстук а-ля Байрон с картиной эпохи Возрождения, заколотый платиновой булавкой.

Прямушин был высок, строен, неплохо сложен, голубоглаз, обладал обаятельной улыбкой, светлые волосы зачесывал набок, и слегка длинноватый нос его не портил. А поскольку он имел врожденное чувство меры и был неплохим дипломатом, президент нравился не только женщинам, но и производил впечатление на мужской электорат – умом, вниманием, независимостью (внешней) суждений, умением выслушать собеседника, пообещать помощь и во многих случаях – выполнить обещанное. Однако его видимая приятная обходительность и мягкость сочетались с железной решительностью и жестким подходом к ситуации в стране. Переняв у своего предшественника методы воздействия на сепаратистов и террористов, Георгий Георгиевич пошел дальше, хотя об этом знали только несколько человек из числа его приближенных.

Собеседник Прямушина выглядел на его фоне довольно экзотично. На нем был слегка удлиненный черный костюм, рубашка-косоворотка с красным орнаментом, а галстук отсутствовал вовсе. Звали его Сергеем Борисовичем Голубевым, недавно ему исполнилось шестьдесят пять лет, и всего два дня назад он сменил предшественника на посту советника президента по вопросам национальной безопасности.

Голубев был крепкий, кряжистый мужчина с тяжелым бугристым лицом, угрюмой складкой губ, редко раздвигающихся в улыбке, и умными черными глазами. Волосы у него были темные, с проседью, длинные – ниже плеч, и он обычно связывал их в хвост на затылке красной ленточкой.

До этого времени Сергей Борисович работал заместителем руководителя президентской администрации, а еще раньше – заместителем директора Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ). Порекомендовал его Георгию Георгиевичу старый приятель, с которым когда-то учился президент, директор Центра стратегических разработок Асташин. Прежний советник занемог, да и возраст не позволял ему работать с полной отдачей, и лучшей кандидатуры, чем Голубев, по мнению Асташина, не было.

– Прошу вас, Сергей Борисович, – радушно повел рукой Прямушин, приглашая гостя сесть в кресло с пневматическими подлокотниками, которое меняло положение спинки и сиденья в зависимости от позы седока. – Что будете пить?

Голубев посмотрел на стеклянный столик с напитками, на котором стояли бутылки с вином и графины с минеральной водой и соками. Среди них было и элитное французское вино «Шато Пишон Лонгвиль Комтесс де Лаланд» и «Шато Кос д'Эстурнель», любимое вино президента.

– Бокал «д'Эстурнеля», если не возражаете, – сказал Сергей Борисович. – Я не великий знаток напитков, но бордо, по-моему, лучшее из вин.

– Вы советник, вам виднее, – добродушно улыбнулся президент. – Я действительно предпочитаю французское бордо, хотя с удовольствием пью и грузинское. Присаживайтесь, Сергей Борисович, разговор у нас будет долгий. Надеюсь, вы в курсе тех дел, которые придется обсудить.

Прямушин налил в бокалы вина, поднял свой бокал, глянул на гостя сквозь него.

– Вам не жарко? Могу сделать воздух попрохладней.

– Спасибо, не надо, – отказался Голубев; в кабинете работал кондиционер, и было довольно свежо, несмотря на жаркий день за стенами здания. – Я умею регулировать теплообмен тела и никогда не потею.

– Да, мне говорили, что вы занимаетесь единоборствами и самосовершенствованием и достигли впечатляющих результатов. Я тоже немного тренируюсь и кое-что изучаю, но до таких результатов мне далеко. Итак, дорогой советник, вопрос первый: ваша оценка ситуации в стране?

– Вы имеете в виду криминал? Последний всплеск террора и похищений людей?

– Я имею в виду интегральную оценку. Вернее, даже не оценку – и вы, и я знаем положение дел, – а ваши рекомендации по этому вопросу. Что мы должны делать? Что говорят по этому поводу мудрецы?

Сергей Борисович отпил глоток вина, выдержал стальной блеск глаз президента, помедлил.

– Если проанализировать отечественную классику, то наши писатели никогда не призывали к борьбе, к войне, к свержению существующего строя. Они лишь указывали путь к культурной революции. Еще Пушкин, не будучи ни эстетическим, ни политическим бунтарем – бунт для него был бессмысленным и беспощадным, а главное – бесплодным делом, – в своих произведениях предостерегал о жестокости революционных потрясений и государственного регулирования культуры, наведения порядка огнем и мечом. По-моему, он первым увидел кровавый исторический тупик в увлечении общества демократическим романтизмом. Позднее человечество в досталь наигралось черным нацистским и красным большевистским романтизмом.

– Вы тоже считаете, что романтизм в нашу эпоху, а также демократия – это тупик?

– Да, я так считаю, – ответил Голубев, помедлив. – Хотя вполне понимаю, что искоренять негативные тенденции в обществе необходимо.

– Тогда мы с вами сработаемся, – усмехнулся Прямушин. – Ситуация в стране, к сожалению, требует экстраординарных мер, официальные государственные структуры для наведения порядка и спецслужбы не справляются с валом криминала.

– Потому что они сами зависимы от этого криминала, – пожал плечами Сергей Борисович. – Почти в каждой госструктуре найдется внедренный туда мафиози или чиновник, ставший пособником и наводчиком криминальных группировок. Я недавно читал доклад экспертной комиссии ФСБ, из которого видно, что организованными преступными группами контролируется больше пятидесяти пяти процентов негосударственных и свыше шестидесяти процентов государственных предприятий. Группировки активно консолидируются для осу-

шествления контроля не только над отдельными предприятиями, но и над целыми отраслями экономики. Это ли не прямая угроза строю? Наибольшую же тревогу вызывает в этой связи обстановка в Красноярском и Ставропольском краях, Новосибирской области, Ингушетии, Чечне, Дагестане, в Центральном и Северо-Западном регионах, особенно – в Калининграде.

– Да, вы правы, Сергей Борисович. Ситуация в Калининграде и меня тревожит. Нельзя больше терпеть выходки губернатора, открыто опирающегося на бандитов местной преступной группировки. Одиозная фигура.

– Его надо убрать, – спокойно сказал Голубев.

– То есть? – прищурился Георгий Георгиевич.

– Физически, – не меняя тона, добавил Сергей Борисович. – Горбенко плюет на все законы, зажал электорат так, что его вполне могут выбрать и на второй, и на третий срок. Поэтому он должен исчезнуть. У нас же есть группа «Хорс», вот пусть и поработает.

– «Хорс» предназначена для других целей.

– Знаю, она хорошо зарекомендовала себя при нейтрализации ультраправых националистов, но ее можно сориентировать и на таких деятелей, как Горбенко, дискредитирующих центральную власть.

– Тогда уж лучше создать другую команду.

– А лучше две. Я как раз хотел вам предложить скомплектовать две спецгруппы. Одну – на базе спецподразделения «Тайфун» Главного управления исполнения наказаний МВД или же на базе спецподразделений ГРУ. Вторая, по сути, уже сформирована. В Вологде недавно начала нелегально работать интересная команда, созданная местными борцами с преступностью. Она и занимается, так сказать, «перевоспитанием» коррумпированных чиновников, до которых мы никак не можем добраться. Я бы назвал эту организацию КОП-командой. Другая начнет разбираться с похитителями людей. Я бы назвал ее ЧКК.

– Как-как?

– ЧКК – чрезвычайная карательная комиссия.

Президент улыбнулся, разглядывая лицо собеседника, покачал головой.

– Это круто. Но интересно. А почему вторую команду, эту самую КОП, вы предлагаете сформировать на базе ГУИН?

– Потому что я знаю там неплохих профессионалов. Кстати, эта же группа могла бы заняться и криминальными финансистами. Не секрет, что так называемые «летучие партизанские отряды» чеченских боевиков финансируются не только из-за рубежа, но и чуть ли не всей страной. Любое предприятие, выплачивающее дань криминальной «крыше» чеченского происхождения, косвенно подпитывает боевиков, плюс разнообразные благотворительные фонды, плюс мусульманские общины. Пора этому положить конец. Не просто расследовать каждый прецедент годами, а немедленно ликвидировать утечку. Только так можно справиться с этой заразой и успокоить общественность. По сей день преступность возглавляет рейтинг источников отрицательных эмоций для населения.

– Я знаком с данными ВЦИОМ, – отмахнулся президент. – На втором месте, кстати, после преступности, по мнению наших людей, идут владельцы собак, гадающих где попало и воющих дни и ночи напролет. Но вы правы, мнение общественности учитывать надо. Хотя создавать особую команду для борьбы с владельцами собак не стоит.

Сергей Борисович усмехнулся. Президент мыслил рационально и обладал чувством юмора, однако иногда принимал неожиданные и не слишком продуманные решения.

– Жаль, что ваш предшественник распустил Российский легион, можно было бы переложить на него часть задач «по перевоспитанию» чиновников.

– Ничего, свято место пусто не бывает. Премьер готовит законопроект о создании государственной системы антитеррористической деятельности и формировании Федеральной службы антитеррора. Она заменит Легион. Но это долгое дело. А пока придется действовать

в прежнем направлении и создавать КОП и ЧКК. Кстати, чем вы их хотите загрузить? План продумали?

– Ну, ЧКК будет работать по похитителям людей, это ее основное направление. Лично мою чашу терпения переполнила последняя их акция с похищением дирижера Тарик-Магиева и его сына. Я был дружен с Дмитрием. Для КОП работы не меньше. В первую очередь я бы предложил этой группе заняться воспитанием олигархов, оказывающих беспрецедентно жесткое давление на многие телеканалы и СМИ. Затем надо обратить внимание на работу налоговых органов и Федерального долгового центра, работающего по неплатежам и банкротству. Они ухитрились поназначить на высокие должности кучу мошенников и бандитов, связанных с преступными группировками.

– Ну, это вряд ли достижимо, – поморщился президент. – Как говорится, легче убить льва, чем вывести клопов. КОП должна работать по более значимым целям.

– Хорошо, – легко согласился Сергей Борисович. – Тогда эту группу надо сориентировать на нейтрализацию сект, расплзающихся по стране, как чума. Помните, сколько хлопот нам доставили храмы Черного Лотоса?

– Они исчезли после роспуска Легиона.

– Вот-вот, Легион был их покровителем и заказчиком. Теперь же им на смену появилась другая секта – Братство Единой Свободы.

– БЕС. Да, я знаю об этом. Может быть, вы правы, и нам еще придется обратить на этого БЕСа особое внимание. У вас все?

– Я бы направил КОП на Кавказ, вообще пошерстил бы южные регионы: Чечню, Дагестан, Ингушетию, Ставропольский край, Калмыкию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию. Там до сих пор царит бандитско-чиновничий беспредел.

– Калмыкия? – приподнял брови Георгий Георгиевич. – Ну, Чечня – понятно. Как считает мой начальник секьюрити – чеченцы представляют собой алчную, аморальную и циничную по отношению к другим массу, и по большому счету он недалек от истины. Воспитывать в Чечне есть кого. А в Калмыкии что?

– Разве вам не докладывали? Дошло до того, что группа высокопоставленных чинов МВД, ФСБ и аппарата президента Калмыкии начала угрожать пограничникам, чтобы они прекратили изъятие у браконьеров сетей, лодок и моторов. После того как функции охраны биоресурсов перешли к сотрудникам Федеральной пограничной службы, провокации подобного рода стали буквально обыденным явлением.

– Чиновники хотят кушать икорку на халяву, – улыбнулся президент. – Это понятно. Будем пресекать. Какие цели еще вы можете предложить?

– Страна вся опутана коррупционной сетью, – мрачно скривил губы советник. – Ткните пальцем в любую государственную структуру и не ошибетесь. Просто есть приоритетные службы, очистку которых следует начинать в первую очередь. Даже подконтрольные вам институты.

– Это какие же?

– Да хотя бы Агентство по государственным резервам. Или Главное управление специальных программ. Могут назвать конкретные имена.

Георгий Георгиевич допил вино, задумчиво пожевал ломтик апельсина, нажал кнопку на подлокотнике кресла.

– Вы страшный человек, Сергей Борисович. Вы знаете больше, чем я.

– Виноват.

– Нет-нет, это не упрек, а похвала. Как раз такая глобальная информированность и является вашей сильной стороной и залогом нашего успешного сотрудничества. А как вы относитесь к НРИ?

Советник тоже поставил бокал на столик, помолчал по обыкновению.

– «Новая Революционная Инициатива» – это мина замедленного действия. Ее лидеры проповедуют откровенный фашизм. А главное, они опираются на разработки психотронного оружия нового поколения, воздействующего на большие массы людей. НРИ опасна. Очень!

– Понятно. Кофе хотите?

– Лучше чай.

В кабинет вошли два человека: молодой парень в безукоризненном коричневом костюме – секретарь президента и сухощавый высокий, слегка сутулый мужчина с костистым худым лицом и светло-серыми, почти прозрачными цепкими глазами, одетый в белую рубашку с погончиками и кармашками и белые брюки. Это был начальник президентской службы безопасности генерал Павлов Зиновий Альбертович.

Президент поздоровался с генералом, посмотрел на секретаря:

– Чай и кофе по-турецки.

– Мне тоже кофе, – хрипловатым басом добавил начальник президентской секьюрити.

Секретарь поклонился и бесшумно испарился.

– Садись, Зиновий, – сказал Георгий Георгиевич. – Я ждал тебя к двенадцати.

– Появились некоторые проблемы.

– Можешь говорить, здесь все свои.

Павлов исподлобья посмотрел на советника, на лице которого не дрогнула ни одна черточка, помедлил.

– Прибалтика.

– Что Прибалтика?

– Выходит из-под контроля. В Латвии ультра снова начали аресты русских стариков, якобы виноватых в депортации коренного населения республики в годы Второй мировой войны. Инициатор – известный «правозащитник» и националист, депутат Сейма Хайрикис. В той же самой Латвии организована «парламентская группа в поддержку справедливой освободительной борьбы чеченских героев». Инициатор – бывший прокурор Лиепай Аунс.

– И это все проблемы? Что в них экстраординарного? Пошли в Латвию «Хорс».

– «Хорс» сейчас работает на Украине. Там нацисты начали настоящую охоту за русской интеллигенцией, страна после вступления в НАТО дерусифицируется бешеными темпами. Инициаторы же спокойно сидят в Раде и довольно потирают руки.

– После операции на Украине брось «Хорс» в Латвию.

– Опоздаем. Аунса и Хайрикиса надо нейтрализовать немедленно.

– Направьте туда ЧК, – хладнокровно посоветовал Голубев.

Президент и генерал посмотрели на него.

Открылась дверь, секретарь вкатил в комнату столик с приборами на три персоны: чай, кофе и тосты.

– ЧК? – взглядом выразил недоумение Павлов.

– Мы с Сергеем Борисовичем говорили о создании чрезвычайной карательной комиссии, – пояснил Георгий Георгиевич, дождавшись ухода секретаря. – Она будет заниматься похищениями людей. Но можно направить ее для проверки и в Латвию.

– Я бы не рискнул, – скептически поджал губы начальник службы безопасности. – ЧК еще только надо сформировать, и у нее нет опыта подобного рода операций. Лучше уж дожидаться возвращения группы «Хорс».

– Хорошо, позже мы вернемся к этой проблеме. Пейте, господа. Однако чувствую, генерал, что вы не все новости сообщили. Что у нас еще плохого?

Павлов взял в руки чашку с кофе, нехотя проговорил:

– Только что пришло сообщение от нашего уполномоченного в Новгороде: взорвана седьмая лаборатория.

Президент изменился в лице, сжал губы в тонкую полоску.

– Кем взорвана?! Как это произошло?!

– Подробностей пока не знаю, я послал туда людей. По некоторым косвенным данным, в зону проникла спецгруппа, похитила партию готовой продукции и взорвала при отходе здание лаборатории. Никто не уцелел.

– Что это за лаборатория? – поинтересовался советник.

Генерал покосился на него, но не ответил.

– Это лаборатория психотроники, – медленно сказал президент. – Она изготавливала пси-генераторы типа «ночь» и «нокаут». Черт побери, кто же это сделал?!

– Я думаю, это НРИ, – сказал советник после недолгого молчания. – Эта организация давно подбирается к пси-технологиям. Их задача – управление большими массами людей с помощью глобального и направленного зомбирования.

Президент поморщился.

– Это всего лишь ваше предположение, Сергей Борисович. Наверняка знать вы этого не можете. Прошу прощения, мне надо посоветоваться с Зиновием Альбертовичем.

– Конечно, я понимаю. – Голубев допил чай, встал. – Всегда к вашим услугам.

Он вышел.

Президент и начальник службы безопасности посмотрели друг на друга.

– Потеря лаборатории – это очень крупная неудача, генерал. Разбейтесь в лепешку, но найдите тех, кто это сделал. Возможно, наш новый советник прав, и это дело рук НРИ. Неужели Сосновский решил перейти к активным действиям? Неужели ему мало трех телеканалов? Или за ним стоят еще более мощные фигуры?

Павлов промолчал. Он совершенно точно знал, кто и для чего похитил новейшие пси-генераторы, а потом взорвал лабораторию.

– У тебя все?

– Мастафов после обработки выпущен и уже приступил к своим обязанностям в Нальчике.

– Как на это прореагировал глава республики? Никаких официальных заявлений он до сих пор не сделал.

– И не станет. Мастафов сказал, что таким образом он хотел избавиться от опеки охраны и отдохнуть в одиночестве на лоне природы.

– Ему не поверят.

– Мы подготовили дачу на берегу моря, где он якобы находился.

– Все равно. Когда он начнет сворачивать деятельность своей организации, его уберут свои же.

– Тем не менее сепаратистское движение прекратится. А это главное.

– Что ж, проживем – увидим. Займитесь лабораторией. Я должен знать, кто ее уничтожил.

Павлов кивнул.

Украина

Хроника тревожных событий

Февраль тысяча девятьсот девяносто второго года.

Группа боевиков УНСО учинила погром в Русском культурном центре Львова. Несколько человек получили серьезные травмы. Помещения центра нанесен значительный материальный ущерб. Благодаря протесту российского Министерства иностранных дел происшествие получило огласку, местные власти вынуждены были открыть уголовное дело, которое, впрочем, вскоре было закрыто «за недостаточностью улик».

Февраль тысяча девятьсот девяносто третьего года.

Боевики УНА-УНСО разогнали во Львове встречу представителей пяти русских культурологических организаций из трех западноукраинских областей.

Август – сентябрь тысяча девятьсот девяносто третьего года.

После подписания российско-украинского соглашения о разделе Черноморского флота на митинге во Львове один из ораторов призвал собравшихся устроить «варфоломеевскую ночь для москалей». В ночь с пятого на шестое сентября были выбиты стекла в шести русских школах области, сожжены палатки русских торговцев, на стенах домов расклеены плакаты: «Москали – геть с України!» и «Хороший москаль – мертвый москаль».

В том же девяносто третьем году в Ивано-Франковске при полном попустительстве местных властей совершено разбойное нападение на епархиальное управление Православной церкви. Трое священников были доставлены в больницу в тяжелом состоянии.

Май тысяча девятьсот девяносто четвертого года.

В Ивано-Франковске группа ветеранов войны во время возложения венков на могилы воинов-освободителей Прикарпатья подверглась нападению группы молодчиков в черном, вооруженных обрезками стальной арматуры и бутылками. Двадцать человек с травмами различной тяжести доставлены в больницу.

Октябрь тысяча девятьсот девяносто пятого года.

Неизвестные обстреляли Русский культурный центр во Львове. По счастливой случайности никто не пострадал. Бандитов, естественно, не нашли.

Тысяча девятьсот девяносто седьмой и девяносто восьмой годы.

Две попытки поджечь здания русских культурных центров во Львове и Киеве. Избиение русских журналистов.

Тысяча девятьсот девяносто девятый год.

В Киеве и Львове созданы так называемые «чеченские информационные центры „Кавказ“, призванные передавать „правдивую информацию“ из Чечни. На самом деле центры помогали чеченским боевикам скупать в Крыму жилье и покупать оружие.

В центре Львова при невыясненных обстоятельствах погиб профессор университета Масловский. Руководители русских организаций обратились к местным властям с требованием расследовать обстоятельства убийства профессора, но уголовное дело так и не было заведено.

Согласно решению Рады на Украине начался процесс возвращения городам и селам названий, «исторически сложившихся много тысяч лет назад». Севастополь стал называться Севастомистом, Симферополь – Симферомистом, Никополь – Никомистом. Как передало информационное агентство «Славянский мир», украинские парламентарии, принимая решение изменить устоявшиеся названия городов, руководствовались некими «новейшими научными изысканиями», согласно которым города эти были основаны украинцами за много веков до нашей эры.

Кроме того, по всей Украине начался процесс дерусификации – замена русского языка на украинский, сокращение числа русских школ до полного их исчезновения и ликвидация русских культурных и научных центров.

В ноябре девяносто девятого года экстремисты из УНА-УНСО призывали к немедленному разрыву всех связей с «восточным соседом» – Россией и к насильственной депортации русских из Западной Украины. В ночь на восьмое ноября были подожжены двери квартир активистов русского движения.

Двухтысячный год.

Нападения на русские писательские организации в Киеве, Львове и Харькове. Поджоги музеев. Угрозы в адрес русской православной церкви.

Две тысячи первый – две тысячи второй годы.

Русский язык окончательно запрещен на территории Украины как язык межнационального общения. Львовские власти начали насильственную депортацию русских фермеров с «исконно украинских» земель.

Две тысячи третий – две тысячи четвертый годы.

Группы боевиков УНА начали разъезжать по городам и селам Восточной Украины для «наведения порядка», устраивать нападения на русские духовные, просветительские, лечебные и культурные центры. В Харькове был разгромлен книжный рынок, торгующий книгами на русском языке, и сожжен концерт «Райский отдых», а также уничтожена русская писательская организация. Были серьезно ранены русские писатели Олегов и Дмитриев.

В две тысячи пятом году почти то же самое повторилось в Донецке.

В две тысячи седьмом году пролилась кровь: «неизвестными лицами», как потом писала украинская пресса, был избит и умер в больнице лидер Панславистского движения Григорий Кузьмин, многие активисты русских центров были ранены, сами центры – разгромлены.

И, наконец, в две тысячи восьмом году к власти в Украине пришли ультраправые, Украинская Рада приняла закон о закрытии границ с Россией и установлении полномасштабного визового режима, что резко ограничило права русскоязычного населения страны.

Наци Украины праздновали победу. Их лидеры теперь могли спокойно жить и не бояться уголовного преследования. Своих целей они не скрывали: полная изоляция и «самостийность», добивание кое-где сохранившихся очагов русской культуры, вступление в НАТО, размещение на территории Украины натовского ядерного оружия.

В две тысячи десятом году Украина вышла из состава СНГ и вступила в НАТО.

Премьер-министром Украины стал лидер националистов Микола Макогон, подручные которого, по данным российской ФСБ, участвовали еще в чеченской войне на стороне боевиков, а потом в течение ряда лет помогали им вести «освободительную партизанскую» войну.

Придя к власти, Макогон стал инициатором создания Украинского национального легиона на базе УНА-УНСО, призванного всеми средствами «защищать конституционный строй» государства. Причем не только внутри страны, но и за ее пределами. Основная цель Легиона была – «специальные операции по защите прав украинцев в России».

Все эти действия нацистов и стали предпосылками появления в Украине группы «Хорс».

Днепропетровск Тарасов

Он открыл глаза и увидел странную картину.

Черное беззвездное небо. Громады зданий со светящимися контурами. Улица с черным асфальтом. И по улице шествует колонна похожих друг на друга людей в красных комбинезонах, со светящимися зеленоватыми слепыми лицами. Они шли нескончаемым потоком, не видя дороги, но не отклоняясь от общего вектора движения и не толкаясь, и глаза у них действительно отсутствовали!

Тарасов, чувствуя подкатывающую к горлу тошноту, подошел ближе к этому живому и в то же время механическому потоку, пытаясь отличить мужчин от женщин, и вдруг одна из красных фигур остановилась перед ним, комбинезон на ней посветлел, стал полупрозрачным, превратился в серебристое платье с золотыми блестками, лицо женщины также посветлело и вдруг с него осыпался слой белого вещества, не то пудры, не то замазки, открывая живое женское лицо невообразимой красоты. На онемевшего Тарасова удивленно взглянули слегка удлиненные, поднимающиеся к вискам зеленые глаза.

– Витязь? – раздался бархатный грудной голос.

– Что? – растерялся Глеб.

Брови незнакомки сдвинулись, в глазах протаяло сомнение.

За ее спиной появились какие-то черные тени, взметнулись зловещие крылья, мелькнули когти, клыки, Тарасов рванулся вперед, чтобы защитить женщину и... проснулся!

В комнате было темно, однако сквозь плотные темно-бордовые шторы на окне пробивался луч солнца, и Глеб понял, что утро давно наступило.

В дверь постучали три раза.

Глеб спешно соскочил с кровати, открыл. В номер вошел сосредоточенный на внутреннем созерцании Саша Ухо. В руке он держал перчатку хайдера.

– Ты еще дрыхнешь? Хохол велел через полчаса быть в Доме ученых на Коцюбинского. Знаешь, где это? Умывайся, брейся и поехали.

Глеб с интересом посмотрел на синяк под глазом Саши.

– А это у тебя откуда? Еще вчера вечером не было.

– По факсу передали, – криво ухмыльнулся Ухо. – Что, хреново выгляжу?

– Отнюдь. По-моему, ты выглядишь гораздо лучше твоей фотографии в паспорте.

Компьютерщик в сомнении глянул на Глеба, потом до него дошел смысл шутки, и он снова ухмыльнулся. Смеяться Саша не любил и не умел. Характер у него был незатейливый и прямой, как лом. И такой же твердый. Переубедить его в чем-либо удавалось чрезвычайно редко. Ухо являл собой тип человека – фаната своего дела. С виду он казался рассеянным и сонным, блуждающим по внутренним пространствам души, но стоило ему сесть за компьютер, и он преображался, превращался в особого рода машину, в колдуна, командующего запрятанным внутри аппарата джином. Смотреть за его манипуляциями было весьма интересно.

Впрочем, Саша не был простым пользователем компьютерных сетей, каковыми является большинство мальчиков в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет, имеющих хорошую реакцию и научившихся лишь быстро работать на клавиатуре, ухитряясь при этом оставаться безграмотными, плохо знающими науку и литературу людьми. Саша в свое время закончил физтех и прекрасно разбирался не только в компьютерных технологиях, но и в физических теориях. Он свободно оперировал интегралами и дифференциалами, знал новейшие достижения молекулярной физики и имел собственное суждение о природе времени. Но при всем при том он прежде всего оставался бойцом отряда «Хорс», профессиональным хакером и путешественни-

ком по «мировой паутине», без памяти влюбленным в суперсовременную технику. Во всяком случае, хайдер ему доставали по специальному заказу. Таких наручных компьютеров во всем мире насчитывалось не больше двух десятков, и все они использовались исключительно спецслужбами таких стран, как США, Япония и Россия. К примеру, одним из таких компьютеров, по сути, являлся «ядерный чемоданчик» президента.

Хайдер Саши представлял собой биокомпьютер с нейропроцессором, распознающий речь и почерк хозяина и способный разговаривать, как человек. Он мог выполнять ассоциативный поиск информации, ускорять расчеты и имел выход на спутниковые компьютерные сети.

– А завтракать мы будем? – спросил Глеб, торопливо умываясь и продолжая размышлять о своем странном сне. – Я есть хочу.

– Могу предложить шоколадку, – сказал Ухо. – Кстати, знаешь, где впервые появился плиточный шоколад?

– Где?

– В Швейцарии, в тысяча восемьсот девятнадцатом году.

– Ты бывал в Швейцарии?

– Не приходилось, – покачал головой Саша, подумал и добавил: – За всю свою жизнь я всего трижды выезжал за границу да в позапрошлом году отдыхал на Кипре.

– Ну и как впечатления?

– Море прекрасное, чистое, прозрачное, пиво холодное, кухня греческая... но многих отдыхающих я бы просто не пустил на остров.

– Почему? – Глеб опустил бритву, высунул голову из туалетной комнаты.

– Встречаются исключительно отвратительные экземпляры: разожравшиеся до безобразия, переставшие следить за собой, презирающие себя и весь мир, но исполненные пренебрежения и превосходства. Особенно туристы из стран СНГ: за версту видно быдло – по золотым цепям.

– А иностранцы там есть?

– Все иностранцы – зомби. – Саша прошелся по комнате, добавил: – И уроды.

Тарасов засмеялся, с любопытством разглядывая флегматичную физиономию приятеля, налил на ладонь лосьона, пошлепал по щекам.

– Ты так не любишь иностранцев?

– Я среди них не видел ни одной красивой женщины. Наши – это да, есть на что посмотреть.

– А почему они зомби?

– Потому что насквозь запрограммированы рекламой и сытым образом жизни. Первым делом, появляясь на пляже, они все поголовно начинают мазаться кремами и жидкостью от загара, после чего лезут в море. Естественно, в бассейны и в море смываются тонны этой жирной гадости, купаться потом противно. Во-вторых, они все помешаны на диете. В-третьих, всё делают по расписанию и плану, даже, по-моему, сексом занимаются в точно определенное время, выдерживая по секундам рекомендованный «экспертами» срок интима.

– Ну, это ты перегнул.

– Вовсе не перегнул, – огрызнулся Саша. – Поехали, Хохол не любит, когда мы опаздываем.

Они вышли из номера гостиницы «Славутич», располагавшейся на набережной Днепра, рядом с цирком, поймали частника и за десять минут доехали до местного Дома ученых, стоявшего на пересечении проспекта Карла Маркса и улицы Коцюбинского, где Тихончук собирал группу.

В Днепропетровск они прилетели и приехали (во избежание подозрений перемещались они по Украине поодиночке) из Киева, узнав о планах объекта прибыть в город «для усмирения» независимых местных журналистов, критикующих власть, и русскоязычного изда-

тельства «Пламя», последнего оплота «москалей» в Украине. Объектом же группы был премьер-министр Микола Макогон, ярый националист, практически свернувший отношения Украины с Россией. Этот человек должен был исчезнуть. Брать же его лучше всего было не в Киеве, а в Днепропетровске, в котором когда-то жил командир группы «Хорс» Тихончук, знавший город как свою ладонь.

Глянув на доску объявлений у входа, Тарасов понял, почему Хохол решил собрать группу в Доме ученых: в десять часов утра здесь начиналась лекция какого-то увенчанного лаврами архитектора о планах реконструкции центральной части города, и можно было легко затеряться среди слушателей, в основном представителей местной интеллигенции, студентов и стариков, не потерявших интереса к общественной жизни.

Глеб обратил внимание на красивую юную девушку в коротком платье, открывающем стройные ноги, и очень толстого – до безобразия – парня с рыхлым бледным лицом и водянистыми глазами, пьющего пиво из бутылки. Контраст между ними был столь разителен, что невольно наводил на размышления о глупости девушки или ее зависимости от этого мурластого бора.

Тихончук стоял в холле первого этажа Дома ученых и разговаривал с какой-то женщиной преклонных лет. Мельком глянул на вошедших Тарасова и Сашу, повел бровью в сторону мраморной лестницы. Глеб и Саша поднялись на второй этаж и увидели прохаживающегося по небольшому холлу второго этажа Терминатора, разглядывающего портреты ученых Украинской Академии наук. Эскимос повернулся к ним спиной, двинулся по коридору налево и вошел в открытую дверь с номером «12». Это означало, что обстановка под контролем и можно не опасаться любопытных глаз.

Тарасов пропустил Сашу вперед, вошел следом.

Комната представляла собой небольшую аудиторию с рядами стульев, столом и грифельной доской. Она была пуста, если не считать расположившихся кто где бойцов группы. Глеб поздоровался за руку с Терминатором, Ханой, Черкесом, хлопнул ладонью по ладони Романа, выглянул в окно.

– С кем это босс разговаривался?

– Может быть, с родственницей, – ответил Роман, – может, со знакомой. Даром он, что ли, прожил здесь пятнадцать лет? А ты не обратил внимания на молодую пару у входа? Девушка такая симпатичная, стройненькая, и рядом – жирная потная харя. Что за тенденция у молодежи пошла? Почему такие красивые девчата выбирают такие рожи?

– Тебя это задевает?

– Он просто завидует, – мрачно сказал Хана. – Такая милая – и не его. Мало ему других.

– Вот, и ты завидуешь! – наставил на него палец Роман.

– Чему? – скривил губы Хана. – Тому, что у тебя в любом городе по два десятка баб? Не надоело волочиться за каждой юбкой?

– Только исследовав многих женщин, мужчина может понять самого себя, – наставительно проговорил Роман.

Все засмеялись. Хана отвернулся. Он явно был не в духе.

– А ты подойди к ней, – предложил Черкес, – и спроси: девушка, вы верите в секс с первого взгляда?

Все снова засмеялись.

– Дураки, – буркнул Хана.

– Да что с тобой, минер? – удивился Роман. – С тещей поссорился, что ли?

– Не твое дело.

– У меня был приятель, который мечтал ограбить банк и оставить отпечатки пальцев тещи. Ты тоже дожил до такой стадии?

– Хватит цепляться к человеку, болтун, – осуждающе покачал головой Терминатор. – Балаболка. Может, у него горе какое.

– Так пусть поделится, посочувствуем и поможем. Колись, Хана, что там у тебя стряслось?

– Отстань, – сверкнул глазами подрывник.

– Утихомирься, – посмотрел на Рому Тарасов. – Что-то ты сегодня слишком возбужден.

– Гормоны в голову ударили, – предположил Черкес. – В Днепропетровске очень много хорошеньких девушек, а Ром сидит здесь уже двое суток – и ни в одном глазу, как говорится.

Без стука вошел Тихончук, закрыл за собой дверь ключом.

– Кончайте базар. Ухо, за работу, нужна связь с базой. В нашем распоряжении всего четыре дня. Объект прибывает послезавтра, но готовиться начинаем уже сегодня. Рассчитываются два варианта действий. Первый: оперный театр. Предполагается, что Макогон посетит местный театр оперы и балета. Вариант второй: магия.

– Это как? – с недоумением посмотрел на майора Роман. – С колдунами свяжемся?

– Сами станем колдунами, – усмехнулся Тихончук. – По данным наблюдателей, господин Макогон помешан на астрологах, экстрасенсах и магах. В его команде есть даже личный астролог по фамилии Бадяга, специализирующийся по изготовлению специальных защитных амулетов. Сам же батька Макогон связан с Братством Единой Свободы, пустившим в Украине корни еще десять лет назад. Но суть не в этом. В Днепропетровске сейчас гостит, а точнее – зарабатывает деньги, известный отечественный колдун или, как про него говорят, «живая легенда черной магии» Сезар Пантелей Кассандроу. Верховный жрец вуду.

– Он нам поможет?

– В каком-то смысле. Макогон непременно захочет посетить салон «верховного жреца» Кассандроу в парке Чкалова. Вот оттуда мы его и украдем.

В комнате стало тихо.

– А что? – заговорил после паузы Черкес. – Почему бы и нет? Информация об охране объекта имеется?

– Давай, – кивнул Тихончук на Сашу, и тот вывел на дисплей хайдера данные о привычках и манерах премьер-министра, о его образе жизни, а также о телохранителях и группе обслуживания, сопровождавшей главу правительства в поездках по стране.

Всего в бригаду сопровождения Макогона входило шестьдесят с лишним человек, не считая чиновников из высшего эшелона власти. Из этих шестидесяти человек тридцать приходилось на охрану. Кроме того, перед началом каждого визита в том или ином городе высаживался десант подготовки в количестве двадцати человек, так что глава правительства Украины ничем не отличался от чиновников постсоветских государств, в том числе – российских, привыкших ездить с помпой и не считать народные денежки, идущие на организацию вояжей.

Знакомство с объектом длилось около двух часов. Еще полчаса Тихончук рассказывал о месте предполагаемой операции в парке Чкалова, с которым всем надо было познакомиться поближе, и не только познакомиться, но изучить все его достопримечательности и уголки досконально. Практику «верховного жреца» Сезара Пантелея Кассандроу должен был изучить Роман. Для этого ему необходимо было записаться на прием к «жрецу» и попросить предсказать судьбу.

– А если этот черный маг его загипнотизирует? – угрюмо поинтересовался Хана.

– Не беспокойся, не загипнотизирует, – беспечно махнул рукой Роман. – Я не поддаюсь колдовским чарам.

– Опасность такая есть, – согласился майор. – Тем более, что пси-техника давно стала доступной криминальным структурам и сектам.

– Вот-вот.

– Но Рома подстрахует Терминатор, а идти к нему все равно придется. Нужна хорошая цветная фотография жреца.

– Зачем?

– Кто-нибудь из вас заменит товарища Кассандроу во время визита к нему батьки Макогона.

Возникла долгая пауза. Бойцы отряда разглядывали усатую физиономию Хохла и решали, пьян он или трезв.

– Твое мнение, Старый? – посмотрел на Тарасова майор.

Все глянули на Глеба.

– План вполне безумный, – сказал он, поразмыслив. – Поэтому может получиться. Жреца сыграет Ром, ему не впервой. Но время операции придется рассчитывать по секундам.

– Все равно у нас будет от силы десять минут, – скептически поджал губы Хана. – Мы даже с территории парка не успеем выбраться.

– Вот ты и отвлечешь охрану, – сказал Тихончук. – Заложешь в нужных местах взрывпакеты, поднимется паника. Черкес сделает вид, что удирает, возьмет на себя погоню. Ухо обеспечит транспорт и связь. Ром, Старый и Терминатор захватят Макогона и надежно спрячут. Возможно, придется воспользоваться местной канализацией. Детальной разработкой операции займемся после изучения местности. Вопросы?

– Одним нам не справиться, – меланхолически сказал Ухо. – База на связи, командир.

– Мы здесь не одни, – сказал Тихончук. – В Днепропетровске сейчас сидит бригада аналитиков и группа обеспечения. Молодая пара, которая вам так понравилась: толстяк и юная красотка, – из этой группы. Они нам помогут.

Роман присвистнул.

– Ну и ну! Никогда бы не подумал, что они опера! Неплохая маскировочка.

– Еще вопросы?

– Нам всем понадобятся парализаторы, – сказал Черкес.

– Экипировка будет доставлена после того, как мы примем решение по варианту операции и прикинем, что нам понадобится. Теперь выметайтесь отсюда парами, начинайте работать. Вечером я вас соберу.

Тарасов первым двинулся к выходу. За ним вышел Хана, бормоча:

– Ох, чую, плохо это все кончится...

– Не дрейфь, минер, – весело проговорил Роман, обнимая товарища, – у жизни вообще хорошего конца не бывает. Все будет нормально, вот увидишь.

Тарасов подтолкнул Романа вперед, взял Алексея под локоть, понизил голос:

– Что случилось, Леша? Из-за чего тебя колбасит?

– Да идите вы все... – начал было Хана, но посмотрел на лицо Глеба и нехотя поправился: – Извини, Старый, плохо мне, вот и бешусь. Жена от меня ушла, понимаешь ли... Надоело, говорит, жить одной. Теща ей все уши прожужжала: уходи от него да уходи, гуляет он, а ты ждешь как дура...

Тарасов кивнул без улыбки.

– Как говорится, хуже тещи может быть только жена. Не переживай, если ушла – значит, не любила. Со мной была точно такая же история, и ничего – выжил. Дети есть?

– Двое, две девочки, – мрачно вздохнул Хана.

– Это хуже, дети должны расти с отцом, однако смертельного ничего нет. Я не думаю, что жена не разрешит тебе встречаться с девочками.

– Да хрен ее знает, может, и не разрешит. Но все равно спасибо за сочувствие, Старый, хороший ты мужик. А у тебя что произошло?

– Тот же вариант: жене надоело быть одной.

– И дети остались?

– Дочка Акулина, восемь лет уже, второй класс закончила. Но живет со мной.

– Да? – с удивлением посмотрел на Глеба подрывник. – Жена отдала дочку?

– Я сам забрал. Теперь она у моих друзей в Вологде, а я навещаю, когда выдается свободная минутка.

– Ну, ты даешь, Старый! – Хана покачал головой, лицо его разгладилось, стало не столь мрачным. – Кто бы мог подумать. Как мало мы знаем друг о друге, а?

– Такова специфика службы.

– Так-то оно так, но все же надо оставаться людьми и среди зверья, с которым мы постоянно сталкиваемся. До вечера.

Хана сжал локоть Глеба, догнал Черкеса, выходящего на улицу. За ними вышли из Дома ученых Терминатор и Роман. Тарасов остался ждать Ухо, установившего связь с базой. Тихончук должен был доложить генералу о благополучной высадке группы в Днепропетровске.

Два дня они изучали обстановку в городе, территорию парка Чкалова, где был установлен павильон «верховного жреца вуду» Сезара Кассандроу, разрабатывали план действий и прикидывали варианты вывоза премьер-министра за город.

Микола Макогон прибыл в Днепропетровск в четверг, второго июня, встречали его не хуже, чем генсека КПСС в былые советские времена, весь город стоял на ушах, центральные улицы очистили от желтых палаток, превращавших город в один сплошной базар, транспорт пустили по окраинам, милиция проверяла документы у каждого третьего пешехода, гостиницы проверялись на предмет остановки в них «лиц, подлежащих задержанию», то есть предполагаемых террористов, и бойцам «Хорса» приходилось работать в сложных условиях. Однако документы у них были сделаны идеально, и проверку «бизнесмены» и «журналисты» из Киева и Донецка прошли нормально.

В пятницу Макогон посетил городскую управу, КДБ², а вечер провел в театре оперы и балета, откуда отправился отдыхать в загородный дом, принадлежавший представителю президента. Пока он «работал», его свита развила бурную деятельность по «нейтрализации москальской пропаганды»: то есть разогнала митинг русского ПЕН-центра, закрыла издательство «Пламя», уволила неугодных главе правительства журналистов газет «Днепр вечерний» и «Глас народа», выходящих на русском языке, выселила из Дома советов русских писателей, арендовавших там помещение, и устроила шествие местного отделения УНА.

Молодчики в черном, с трезубцами на беретах и рукавах комбинезонов, с желто-голубыми флагами, вооруженные дубинками, прошли по проспекту Маркса от железнодорожного вокзала до памятника Славы, выкрикивая угрозы в адрес «некоренного населения» Украины, после чего на проспекте не осталось ни одной целой витрины магазинов, принадлежащих русским владельцам, а также были разбиты стекла и проколоты шины автомобилей, имеющих неукраинские номера.

В субботу утром из радиоперехвата стало известно, что Макогон собирается-таки посетить павильон «жреца» Кассандроу, и группа «Хорс» «завибрировала», приводя свои порядки в состояние боевой готовности.

В одиннадцать часов три минуты утра кортеж из семи автомобилей главы украинского правительства остановился у центрального входа в парк Чкалова. Счет пошел на минуты, а потом на секунды.

Павильон, в котором принимал посетителей господин Кассандроу, был установлен на берегу центрального пруда парка, напротив летнего театра, и представлял собой шестигранный шатер из черного пластика, расписанный серебристыми звездами и зигзагами, увешанный страшными африканскими масками. Внутри шатер был поделен надвое: в одной половине сидели помощники колдуна, две почтенные негритянки, вторую занимал он сам.

---

² КДБ – Комитет державной безпеки (Комитет государственной безопасности).

Интерьер помещений вполне соответствовал духу «древнейшей африканской магии вуду»: циновки по стенам, щиты, копья, луки со стрелами, пучки перьев экзотических птиц, маски, статуэтки богов, особые светильники, создающие таинственный багровый полумрак, странные запахи, от которых у посетителей кружилась голова. Сам колдун появлялся из мрака посреди комнаты неожиданно, как бы проявлялся из воздуха, одетый в черный балахон и высокую «магическую» шапку с металлическими бляхами, на которых были выгравированы мандалы и древние символы вуду. Белки глаз у него светились, и впечатление он на гостей производил сильное.

Все это бойцы «Хорса» узнали от Романа, который удосужился быть принятым господином Кассандроу и теперь был готов его заменить на какое-то время.

Шатер был огорожен металлическими решетками с торчащими на прутьях пластиковыми черепами крокодилов, и охранялся темнолицым гигантом в халате и чалме, с огромной секирой в руках. Вряд ли он что-либо значил как защитник и воин, представляя собой просто часть красочного шоу, однако учитывать его присутствие стоило. Этот охранник не должен был ничего заподозрить и вмешаться в момент смены его хозяина «дублем».

«Верховный жрец» Кассандроу появился в парке в сопровождении своих чернокожих слуг в десять часов утра и сразу приступил к приему посетителей, жаждущих приобщиться к секретам «настоящей африканской магии», получить защиту от сглаза, порчи, проклятия, помощь в бизнесе, что обещал «жрец», или приобрести волшебные амулеты, спасающие от врагов, предотвращающие измену жены или мужа, усиливающие мужскую потенцию и даже дающие мудрость и силу верховных духов. Толпа вокруг шатра собралась, как всегда, приличная, но в большинстве своем это были зеваки и гости, пришедшие отдохнуть в парк с детьми. Желающих попасть к «жрецу» на прием было не так уж и много, и все же человек пятнадцать уже образовали очередь, которую не отпугивала летняя жара.

И никто из них не догадывался, что в это безоблачное субботнее утро произойдет самое настоящее чудо, только сотворенное не магом, а руками бойцов группы «Хорс». Никому в голову не пришла мысль о подмене «мага и компании», которая произошла еще до прибытия «жреца» в парк. Настоящий «жрец», его телохранитель и помощники в это время спали в гостинице «Украина», а их место заняли отлично загримированные Тарасов, Терминатор, Черкес и Роман.

Глеб играл роль гиганта-телохранителя, Терминатор и Черкес стали негритянками, а Роман превратился в «верховного жреца», мастерски скопировав его походку и манеры поведения.

В толпе, собравшейся у павильона, находилась и молодая пара: красивая девушка в юбочке и маечке, и необъятных размеров толстяк в шортах и безрукавке, пьющий пиво. Это были люди из группы сопровождения, посвященные в план операции. Кроме них, по парку бродили и другие сотрудники группы, но в их задание не входила подстраховка бойцов «Хорса», они наблюдали за происходящим и должны были в нужный момент отвлечь охрану премьера у машины, предназначенной для его транспортировки.

До одиннадцати часов «жрец» Кассандроу успел принять четверых, всучив им амулеты «Мачо мачо мэн», возвращавшие мужскую силу, и «Живые деньги». Владелец последнего приобретал способность умножать богатство, деньги к нему должны были просто «липнуть».

Напряжение бойцов «Хорса» достигло апогея. Лишь Ухо, сидевший в машине и следивший за ними по экрану органайзера, мог позволить себе быть тем, кем он был, остальные должны были играть свои роли до конца, не имея возможности переговариваться, хотя каждый имел микрорацию, закрепленную на голове под волосами.

– Внимание! – раздался голос Тихончука в ухе Тарасова; командир группы сидел во второй машине, точно такой же, какая ждала Макогона. – Объект прибыл! Начинаем!

– Спокойно, ребята, – тут же послышался голос Романа. – Я готов, не нервничайте. Хотя классик был прав: ничто так не утомляет, как ожидание поезда, особенно если лежишь на рельсах.

– Ром, уйди из эфира! – рявкнул Тихончук.

– Слушаюсь, командир.

Стало тихо.

Тарасов улыбнулся про себя, оставаясь с виду величественно-неприступным. Роман был в своей стихии, ему нравился риск, нравилось балансирование на лезвии ножа, нравился выброс адреналина в кровь, и единственным его недостатком было словесное недержание, иногда мешающее ему самому во время операции.

В пять минут двенадцатого в парк вошел Микола Данилович Макогон, окруженный телохранителями. На нем был белый костюм от Claude Bonussui за две тысячи долларов, бежевая рубашка от Alain Figaret, шикарный красный галстук от Gianfranco Ferre с бриллиантовой заколкой, черные очки фирмы Frimen и туфли от Weston, что говорило о хорошем вкусе имиджмейкера премьер-министра. Улыбаясь, посылая в собравшуюся, удерживаемую милицией на приличном расстоянии толпу, воздушные поцелуи, Макогон неспешно направился по аллеям парка к пруду, где уже шуровала его охрана, оттесняя от павильона «верховного жреца вуду» любопытных.

В одиннадцать часов двенадцать минут он появился у шатра, лучезарно улыбающийся, расточающий ароматы дорогого мужского одеколona «Eau sauvage», довольный жизнью и собой.

– Все спокойно, – шепнул ему на ухо начальник охраны. – Мы проверили, жрец ждет.

Макогон повернулся лицом к толпе посетителей парка, поднял вверх руки, приветствуя их, выслушал нестройный хор ответных приветствий и произнес краткую речь, смысл которой сводился все к той же, набившей оскомину, формуле: «Москали, геть с батькивцины! Да здравствует самостийность! Европа – наш дом! НАТО – наша защита!» После этого Микола Данилович в сопровождении двух телохранителей вошел в шатер «африканского жреца» Сезара Пантелея Кассандроу.

В шатер хотел пройти еще один бугай в черном, с усиком антенны рации у губ, однако Тарасов его не пропустил, встав на пути.

– Мало-мало однако, – сказал он с акцентом. – Низя много.

Бугай, к счастью, отступил.

Телохранители, зашедшие в шатер вместе с боссом, хотели пройти и в комнату мага, но их уже не пустили «негритянки».

– Ритуал, – пояснила самая маленькая из них, мелко-мелко кланяясь. – Нельзя. Терять силу. Тайность.

– Проклятие предков, – добавила вторая «негритянка», погрозив телохранителям пальцем.

– Оставайтесь здесь, – приказал Макогон. – Они правы, ритуал должен быть соблюден, иначе мы нарушим законы магии, и предсказание не сбудется.

Он шагнул на вторую половину шатра, и «негритянки» задернули полог из тяжелой плотной материи.

– Сядь! – раздался отовсюду гулкий гортанный голос.

Макогон увидел освещенный алыми отблесками скрытых светильников стул вычурной формы с высокой спинкой, сел.

Из мрака перед ним выступила смутно видимая фигура, вытянула вперед длинную черную руку, и в то же мгновение на голову Миколы Даниловича обрушился тяжелый удар, остановивший мысли и на короткое время оборвавший дыхание.

«Жрец» Роман выстрелил в него из гипнотизатора «нокаут», разработки которого велись еще в лабораториях Российского Легиона и привели к созданию системы внушения «виртуальной» реальности «лунный свет». «Нокаут» был миниатюрной копией системы, сменив пси-излучатели «удав» и «пламя». Однако о том, что эти излучатели уже находятся на вооружении спецслужб, широкая общественность пока не знала. Что не мешало группе «Хорс» также применять пси-технику.

– Слушай и запоминай! – медленно проговорил Роман в ухо Макогона. – Сейчас ты как ни в чем не бывало выйдешь отсюда, довольный сеансом, будешь улыбаться и шутить, ничего не помня, что здесь говорилось. Обойдешь парк и выйдешь с двумя телохранителями через восточный выход на улицу Серова. Там сядешь в машину – «восьмисотый» «Мерседес» черного цвета. Будешь выполнять все, что скажут. Запомнил?

– Запомнил, – деревянным голосом ответил сомлевший премьер.

– Повтори.

Макогон повторил.

– Теперь очнись и иди. Ты удовлетворен!

Микола Данилович послушно поднялся, затем осанка его изменилась, он снова превратился в лидера, властелина нищих духом, вожака националистов, ненавидящих всех иноверцев, ради власти готовый на любое преступление и предательство под лозунгом «свободы и независимости».

Роман потом признался, что, увидев эту метаморфозу, он испугался – не забыл ли Макогон внушенный приказ?

Но все обошлось.

Микола Данилович вышел из шатра в прежнем лучезарном настроении, полюбовался на плавающих в пруду лебедей и двинулся к восточному выходу из парка. Шатер «африканского жреца» на короткое время выпал из поля зрения охраны премьер-министра, чем сразу же воспользовались оперативники «Хорса».

– Старый, догоняй объект! – донесла рация приказ майора. – Действуй по обстоятельствам.

Тарасов нырнул в шатер, где «негрityнки» и «жрец» уже переодевались, приобретая цивилизованный вид, сбросил чалму и халат, оставаясь в джинсах и рубашке, и быстро протер лицо комком ваты, намоченным спиртом. Через полминуты все четверо вышли из шатра на глазах обалдевшей публики и охранявшего павильон наряда милиции.

– Уважаемый господин Кассандроу начнет принимать через пять минут, – объявил Роман, подмигивая молодой паре у ограды. – Прошу соблюдать тишину и порядок.

Толпа притихла, ничего не понимая.

Четверка бойцов «Хорса» спокойно прошла сквозь нее и поспешила вслед за удалявшейся командой Макогона. Было слышно, как оперативники поддержки – девица и толстяк – начали «занимать очередь» к колдуну, отвлекая внимание от основных исполнителей. Впрочем, им уже не надо было выдерживать легенду, играть роли «магов», до конца операции оставались считанные минуты, а за это время вряд ли кто-нибудь из сотен посетителей парка мог сообразить, что происходит, в том числе и сбитые с толку стражи порядка.

И все же не обошлось без инцидента, едва не поставившего операцию на грань срыва.

Макогон, выполняя пси-команду, внушенную Романом, в точности следовал всем рекомендациям и вышел из парка на улицу Серова, где его ждал «Мерседес-800». Но Миколу Даниловича сопровождали не два, а шесть телохранителей. Естественно, Ухо, сидевший за рулем «Мерса», не мог обезвредить всех, даже имея парализатор.

Все дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Макогон направился к «Мерседесу».

Сопровождавший его начальник охраны не понял босса, но, не разглядев за темными стеклами внутренности кабины, насторожился.

– Вы куда, Микола Данилович?

Макогон оскалился, вдруг бледнея, взялся за ручку дверцы.

Охранник оттолкнул его, рывком распахнул дверцу и увидел ствол пистолета, смотревший ему в лицо. Замер. Слово «тревога!» застыло у него на губах.

В то же самое мгновение в парке неподалеку прогремел взрыв, заставив всех вздрогнуть и оглянуться: Хана взорвал один из взрыв-пакетов.

Тарасов возник из толпы и одним уколom в шею свалил охранника слева, ударом ноги отбросил второго.

Терминатор обработал третьего, тянувшего из-под мышки пистолет.

Роман выстрелил в четвертого и пятого из «нокаута», не вынимая его из кармана куртки.

Ухо выстрелил в начальника охраны премьера, так и не успевшего отреагировать на нападение, из парализатора, а Черкес одним движением втолкнул Макогона в машину.

К «Мерседесу» бросились оцепеневшие в первые мгновения милиционеры, хватаясь за оружие. Толпа шарахнулась прочь. Однако прямо под ногами милиционеров вспыхнуло пламя, грохнуло. Это Хана взорвал еще один взрыв-пакет, ослепивший и оглушивший стражей порядка. Толпа в панике кинулась врассыпную.

Тарасов, Терминатор и Черкес вскочили в машину, и Ухо рванул «Мерседес» с места, едва не сбив кого-то из убежавших. Роман затерялся в толпе. Он должен был встретиться с Ханой и отсидеться в гостинице до конца возможной блокады города силами безопасности. Для них операция завершилась.

Но и остальные ехали в «Мерседесе» с обмякшим премьер-министром недолго. Ухо проскочил перекресток, на следующем повернул налево на улицу Незалежную, бывшую Комсомольскую, затем налево – на проспект Кучмы, бывший проспект Кирова, и тут же заехал во двор длинного девятиэтажного дома.

Здесь все четверо выскочили из машины, вытащили Макогона и погрузили в желто-красный фургон аварийной службы газа. За руль «мерса» сел ждавший их здесь Тихончук, ориентирующийся в городе лучше всех, и погнал машину по проспекту вверх. Он должен был отвлечь на себя погоню, доехать до аэропорта и затеряться на территории военного городка.

Ухо подождал несколько минут, пока мимо дома не промчались, завывая сиренами, джипы охраны премьера и машины милиции, затем вывел фургон службы газа на улицу и поехал вниз, по Незалежной налево, затем по Шмидта к мосту через Днепр. На левой стороне реки их ждала машина «Скорой помощи», которая собиралась доставить Макогона в одну из деревень Новомосковского района, где он должен был длительное время отдыхать от забот о благе народа.

– Хочешь? – повернулся к Тарасову Черкес, присевший на корточки над телом Миколы Даниловича, протянул блеснувший металлический браслет.

– Что это? – взял браслет Глеб.

– Амулет. Называется «Огненный щит богов». Защищает от любого колдовства.

– Спасибо, не надо. – Тарасов вернул браслет.

– Как знаешь. Терминатор тоже отказался, у него свои боги, а я возьму. Вдруг пригодится?

Глеб потрогал на груди свой талисман и подумал, что лучшая защита от любого колдовства – собственная воля.

Москва Никифор Хмель

Запись была некачественная, видеокамера в руках оператора прыгала и перекашивалась, но все же было хорошо видно, как кричит и корчится пленник – молоденький русоголовый парнишка, совсем голый, избитый, в кровоподтеках, у которого бородатый палач с зеленой повязкой на голове, в камуфляже, сначала отрубил палец, потом кисть руки, затем отрезал уши, член и, наконец, выколол глаза.

После казни бородач, держа в руке отрезанное мужское естество, поставил ногу в английском ботинке «хэдфорт» на труп парня, приосанился, к нему подошли еще двое бородачей, обняли, заржали. Камера отодвинулась, и стал виден самодельный плакат на забрызганной кровью кирпичной стене: «Русские казлы, дабро пожаловат на горлорезку!»

Никифор выключил запись и некоторое время, сгорбясь, сидел перед телевизором и ни о чем не думал. В голове плыл светящийся туман, из которого доносился затихающий крик брата, мыслей не было, была только тоска и оглушающая, сжигающая душу ненависть, но она не могла вернуть парня, погибшего в Чечне в двухтысячном году.

Алексей был моложе Никифора на три года, он родился в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, но судьба не уберегла его, сохранив жизнь брату, провоевавшему в Чечне в отряде спецназа всю войну.

После страшной смерти брата, записанной на видеокассету, – боевики любили снимать сцены казни, – Никифор поклялся найти убийц и отомстить, но так и не исполнил обещания. Хотя запомнил эти бородатые улыбающиеся физиономии на всю жизнь.

Из-за этого он и не женился – колесил по стране в поисках палачей, побывал даже за границей, в Турции и Афганистане, – и не хотел связывать свою жизнь узами брака. Хотя женщин, готовых выйти за него замуж, встречал и сам был готов жениться. Особенно на Верочке-медсестричке, выходившей его после ранения два года назад. Тогда Хмель, уже будучи капитаном, работал в группе «Тайфун» Главного управления исполнения наказаний³ и при очередном задержании крутой компании, не желавшей выполнять приговор суда, получил пулю в спину. Однако выжил. Но и на Верочке не женился, помешала черная, глубокая как омут, непроходящая ненависть к «лицам кавказской национальности», замучившим брата, убившим немало друзей, кравшим детей и насилующим женщин.

Со временем он научился управлять своими эмоциями и внешне никак не реагировал на смуглолицых выходцев с Кавказа, хотя в душе готов был убить чуть ли не каждого. Именно поэтому Никифор нанялся в отряд «Тайфун», часто сталкивающийся с кавказцами во всех уголках России, именно поэтому неистово тренировался и держал себя в отличной физической форме, сызмальства занимаясь русбоем.

Отец Никифора, покойный Петр Павлович Хмель, полковник МЧС, погибший под Хабаровском при исполнении служебных обязанностей, учил сына жить по принципу «не жди». Не жди, что тебя оценят, не жди, что помогут, не жди, что мечты исполнятся сами собой, а главное – не жди, если требуется твоя помощь, иди и помогай. Однако Никифор дополнил заповедь отца еще тремя принципами: «не надейся», «не догоняй» и «не проси», – и свято следовал этим простым принципам, не жалея здоровья и сил.

Жил Никифор в Москве, в переулке Сивцев Вражек, недалеко от метро, вместе с матерью Валентиной Ивановной, но появлялся там редко, практически все время проводя на базе «Тайфуна» в Реутове или в разъездах по стране. В последнее время у группы почти не было

---

³ Принадлежит Министерству юстиции.

длительных периодов отдыха, все чаще требовалось ее вмешательство в тех или иных городах и селах России, где возникали конфликтные ситуации на приватизируемых, частных и даже на государственных предприятиях, руководство которых не желало жить по закону. Нынешний отпуск капитан Хмель получил в награду за участие в последнем деле, связанном с чисткой рядов в органах правопорядка.

Это случилось в Мордовии, где преступная система выколачивания признания любыми средствами пустила прочные корни.

В Большеберезниковском районе украли трактор «Катерпиллер», принадлежавший колхозу «Новый мордовец». Поисками пропавшей машины занялись оперуполномоченные отдела уголовного розыска местного РОВД Тутай Владимиров и Фрол Анатольев. В помощь им направили оперуполномоченных уголовного розыска МВД республики Антона Сергеева и Петра Сазонского.

Первым они задержали некоего Леонида Панасевича, рабочего колхоза «Новый мордовец», который под пытками свалил всю вину за кражу и продажу трактора в соседнем районе на инспектора ГИБДД Николаева и майора районной ГИБДД Абраменко. Николаева взяли прямо на дороге, возле будки дорожно-постовой службы, доставили в триста сорок третий кабинет МВД республики в Саранске и потребовали сознаться в краже трактора. Когда тот отказался, будучи невиновным, Антон Сергеев надел на Николаева противогаз, а в шланг налил нашатырного спирта. Инспектор потерял сознание от резкой боли в легких.

Однако мучителей это не остановило. Они раздвинули ноги инспектора и стали бить ремнем с металлической пряжкой по половым органам Николаева. Он вторично потерял сознание.

Пытки длились до пяти утра. Устав, Сергеев и Владимиров ушли отдыхать в другой кабинет, Сазонский остался и уснул на диванчике. Измученный Николаев скорчился на полу и до утра не спал. Утром он написал на имя прокурора «явку с повинной». Сергеев удовлетворенно прочитал ее и повел Николаева к своему шефу – начальнику управления уголовного розыска подполковнику Глинищеву. Войдя в его кабинет, Николаев упал на колени и заплакал.

– Я ни в чем не виноват, – выговорил он, кусая губы. – Умоляю вас, товарищ полковник, разберитесь!

Глинищев разочарованно посмотрел на трясущегося избитого человека.

– Жаль, разговор не получился.

Николаева отвели в тот же кабинет, и пытки возобновились.

Майора Абраменко арестовали в гараже, привели к подполковнику Глинищеву.

– Вы с ума сошли! – сказал майор. – Не крал я никакого трактора!

– Панасевич указал на вас.

– Панасевич просто мстит. Мы не раз задерживали его в нетрезвом состоянии, штрафовали, отбирали права...

– Жаль, – вздохнул подполковник, – я хотел по-хорошему, но, видимо, без параша здесь не обойтись.

Вечером майора из СИЗО доставили в триста сорок третий кабинет МВД и начали пытать. Его сажали копчиком на угол стола, надевали противогаз и перекрывали воздух, били по голове толстой книгой, стреляли над ухом из пистолета и, наконец, решили вставить в задний проход раскаленный паяльник. Если бы в этот момент в здании не появились оперативники «Тайфуна», вызванные аж из Москвы женой Николаева, знавшей о пытках мужа, оба гаишника вряд ли остались бы живыми и здоровыми. Их сделали бы калекami или убили бы, как это уже случилось в Ленинском РОВД Саранска, когда те же самые оперуполномоченные Сазонский и Сергеев допрашивали невинного девятнадцатилетнего парня и, надев на него противогаз, перегнули гофрированный шланг. Парень умер от удушья. Но в тот раз милиционерам это сошло с рук.

Брал «пыточную команду» Никифор, ударом ноги сорвав с петель дверь кабинета. Оперуполномоченные имели хорошую реакцию и пытались сопротивляться, однако были в течение секунды обезоружены и скручены. Досталось и подполковнику Глинищеву, вызвавшему на подмогу подразделение спецназа и пытавшемуся выдворить бойцов «Тайфуна» из территории здания МВД. Он был в ярости, понимая, что теряет не только погоны, но и свободу, и пообещал «добиться справедливости на самом верху, вернуться и устроить операм „Тайфуна“ сладкую жизнь. Но не преуспел. В ходе дальнейшего следствия выяснилось, что инспекторы ГИБДД Николаев и Абраменко действительно не виноваты в краже трактора, а сотрудники угрозыска действительно пытали людей. Причем не ради удовольствия. Как оказалось, для значительной части сотрудников, жаждущих раскрыть преступление любой ценой, пытки – просто необходимый элемент в работе. Как сказал потом судья Верховного суда республики на процесс:

– Воспитанные на лучших образцах отечественной и зарубежной детективной литературы, в которых действуют умные и проницательные сыщики, мы сегодня должны с горечью признать: часть российских детективов – это не Холмсы, не Мегрэ, не майоры Пронины, не Знатоки и не Шараровы. Это люди с извращенными представлениями о чувстве долга, с низким уровнем профессионализма, которых необходимо учить и воспитывать...

– Мочить их надо! – пробормотал Никифор, вспомнив этот случай. – Горбатого только могила исправит...

В комнату тихо постучали. Робко вошла мама.

В отличие от сына, вымахавшего чуть ли не под два метра, Валентина Ивановна была небольшого роста, худенькая, тихая, с вечным сомнением в больших карих глазах. Впрочем, отец Никифора тоже не отличался ростом и богатырским сложением, и мама говорила, что ее дети пошли в дядьев по линии бабки Станиславы – Ивана и Василия, славившихся статью, силой и выносливостью. Нельзя сказать, что Никифор выглядел атлетом с мускулами, накачанными в зале для бодибилдинга, однако мышцы у него тоже были стальными, пальцами он мог ломать монеты, а фигура, сухая и жилистая, говорила о взрывной энергии, способной выплескиваться в нужные моменты и преодолевать любые преграды.

– Что ты все дома да дома, сынок, – мягко проговорила Валентина Ивановна. – Сходил бы куда, в театр или в кафе. Вова тебе звонил, спрашивал, когда приедешь, Люда заходила. Позвони, она тут же примчится.

Никифор улыбнулся.

– Она-то прибежит, да мне от этого радости мало. Не люблю я ее, мама. Хотя ты права, надо развеяться. Пойду погуляю по Арбату, давно там не был.

– Вот и хорошо, погуляй, – обрадовалась мать. – Только допоздна не задерживайся, волноваться буду. Ты у меня один остался.

На глаза матери набегали слезы, она промокнула их платочком, и Никифор, переживая волну нежности и вины, обнял мать, прижался губами к ее рано поседевшим волосам.

В начале шестого он вышел из дома в светло-сером летнем костюме и рубашке-апах салатного цвета. Особого плана не было. Хотелось просто пройтись по старым улочкам Москвы, подышать весенним воздухом и поглядеть на самодеятельных артистов и художников, заселивших Старый Арбат. Однако, повернув с Сивцева Вражка, где располагалась квартира Хмелей, на Староконюшенный, Никифор вдруг решил зайти сначала в церковь, поставить свечку за упокой души брата, которому в этот день исполнилось бы тридцать лет.

Идти было недалеко. В квартале от дома, в Гагаринском переулке, стояла церковь святого Власия, где родители крестили Никифора, а вообще это был старый посадский храм во имя Преображения Господня с двухпридельной трапезной и колокольной, построенный в семнадцатом веке и достраиваемый в восемнадцатом и девятнадцатом. Никифор бывал здесь редко, не будучи верующим, и лишь для поминовения брата и своих погибших товарищей.

Церковь была открыта. Никифор вошел в полутемное прохладное помещение, купил свечи, поставил в чашу перед изображением какого-то святого, перекрестился. Подошла женщина в черном платье и платке, тоже поставила свечи. Никифор невольно обратил на нее внимание: женщина была молодая и красивая, смуглолицая и черноглазая. Ингушка, пришло почему-то на ум капитану. Интересно, что она делает в православной церкви?

Женщина отошла, и он тут же забыл о ней. Постояв несколько минут в шепчущей печальной тишине храма, вышел, невольно вздохнув с облегчением. Обстановка внутри церкви всегда действовала на него угнетающе.

Солнце уже опустилось за дома, но до вечера было еще достаточно времени, чтобы успеть побродить по улицам города, и Хмель неторопливо побрел по переулкам Староконюшенной слободы к Арбату, прикидывая, что он будет делать вечером и не позвонить ли ему действительно Людмиле.

Ранневечерний Арбат представлял собой своеобразную галерею самодеятельных искусств, музеев, подиум, театр и рынок одновременно. Здесь рисовали портреты гуляющих, продавали картины, сувениры, безделушки, косметику, игрушки, мороженое, выступали клоуны, самодеятельные хоры и ансамбли, брэнчал на гитаре «ковбой», мальчики и девочки танцевали и пели, и весь этот возбуждающий шум действовал на людей не хуже глотка вина.

Никифор остановился у лотка с деревянными куклами, сделанными с удивительным изяществом. Здесь был представлен чуть ли не весь пантеон русского фольклора: лешие и домовые, русалки и болотницы, Баба Яга и Кощей Бессмертный, хлопотун, перебаечник, Мор-баба, жихарь, боровик и другие, названий которых Никифор не знал. Продавец – пожилой мужчина с лысиной и седыми бакенбардами с улыбкой посмотрел на него.

– Интересуетесь?

– Смотрю, – сказал капитан. – Как живые! Сами делаете?

– А они и есть живые, – кивнул кукольник. – Уж почитай полста годков куклы вырезаю. Вот матрешки тож. Вы знаете, молодой человек, что такое русская матрешка? В ней кроется глубочайший смысл. Это слово – матрешка – искаженное «матрица», основа вселенной, можно сказать, а также ма-трешка, то есть Мать Мира тройная. Или вот этот скоморох. Чем не прародитель наш? Вишь, смеется, лукавец?

Никифор повертел в руках скомороха, и ему показалось, что игрушка подмигнула ему.

– Хорошая работа. И много удастся заработать на куклах-то?

Старик погрузился.

– Покупают, конешное дело, но мало, сынок. Мои куклы особенные, не хотят со мной расставаться. Поверишь ли, продал одному молодому луговую невесту – у того машина сломалась, гараж загорелся. Ишо один богачей на Мор-бабу глаз положил. Я его предупредил, чтоб, значит, ухаживал за ней, кормить не забывал, он посмеялся, а через два дня примчался бледный, куклу вернул. Две ночи, говорит, не спал, душил его кто-то.

Никифор засмеялся.

– Это он просто налоги не заплатил.

Усмехнулся и старик.

– Может, и так. У бедного одна забота, у богатого много. Выбирай, что душе угодно, почти задаром отдам.

Никифор поколебался немного, разглядывая куклы, потом взял в руки куклу, похожую на еловую шишку, но – вырезанную с большим искусством из дерева. У нее была большая голова с растрепанными волосами, хорошо видимые ручки и ножки, а лицо было хитрое, но доброе, готовое, казалось, вот-вот расплыться в улыбке.

– Это востуха, – сказал кукольник, – разновидность домового. Живет обычно за печкой и караулит дом. Где он ладит с хозяевами, там ничего плохого приключиться не может, и в доме ничего не пропадет. Бери.

– Сколько?

– Обычно говорят – давай, сколько не жалко, а я не люблю. Бери за три рубля, мил человек. Я бы и даром отдал, да не положено.

Недалеко от лотка кукольника послышался шум, толпа гуляющих людей раздалась в стороны, и стал виден источник шума: посреди улицы шествовали шестеро бритоголовых молодых людей в черных кожаных куртках и штанах. На рукавах курток виднелись эмблемы: красная звезда и буквы НБП. Это были скинхеды или скины, как их называли чаще, «бритоголовые», одни из самых рьяных защитников «русской идеи», боевой отряд Национал-большевистской партии. Никифор по долгу службы с ними не сталкивался, но знал, что целью НБП является «русская национальная революция и построение справедливого общества – Русского Порядка». Правда, методы, которыми скины пытались установить новый Русский Порядок, ничем не отличались от бандитских и откровенно террористических.

На груди у приближающихся молодчиков Никифор увидел белые кинжальчики и понял, что это парни из скингруппировки «Белые охотники». Их задачей было «очищение столицы от всех черномазых и кавказцев». По телевидению не раз показывали инциденты, связанные с избиениями скинхедами африканцев, индийцев, узбеков, чеченцев, азербайджанцев и других ярко выраженных «неславян». Никифор вспомнил, что совсем недавно в программе «Русский дом» передавали сообщение об убийстве скинами сына посла Гвинеи-Бисау и о нападениях на переселенцев с Кавказа.

Молодчики в черном шли уверенно и шумно, как истинные хозяева улицы, города и вообще всей страны. Они выискивали среди отдыхающих лиц «кавказской национальности» и обращали их в бегство зуботычинами и подзатыльниками. Сопrotивляющихся били дубинками, мгновенно появляющимися из-под курток, и ногами.

– Бандиты, – пробормотал старик-кукольник. – Отходы человеческие. Мы вышли из пещер, но пещера еще не вышла из нас.

Никифор промолчал. С одной стороны, он был на стороне скинов, горевших желанием «очистить» город от «черномазых», с другой стороны, понимал, что ни в чем не повинные граждане страдать не должны. «Чистку» надо было начинать сверху, с верхних эшелонов власти, с чиновников, торгующих свободой и жизнью простых людей.

– Вас они не трогают? – спросил он.

– Я здесь нечасто бываю, – ответил кукольник. – Да и что они сделают старику? Я таких в молодости не боялся, ни тем более в старости.

Внезапно Никифор заметил ту самую молодую женщину – смуглянку, которую встретил в церкви. Только на этот раз она была не одна, а с молодым человеком, подростком, таким же смуглолицым, черноволосым и черноглазым, как она сама. Скрыться от скинов они не успели.

Один из молодчиков схватил парня за руку, ударил по шее и швырнул к ограде кафе. Еще двое начали пинками гнать его прочь. Женщина вскрикнула, бросилась к спутнику, пытаясь его защитить, но ее тоже отшвырнули, так что она не удержалась на ногах и упала, и ударили ногой в бок. Но она вскочила, снова кинулась на обидчиков, стала прикрывать собой не то брата, не то сына, и ее сбили на цветные плиты улицы снова.

Никифор больше не раздумывал.

Он вышел из толпы перед группой бритоголовых, держа руки за спиной, угрюмо поинтересовался:

– Может, хватит воевать с женщинами, богатыри?

– А тебе чо надо, оглобля? – удивился круглолицый безбровый здоровяк, накачанный так, что куртка на нем, казалось, вот-вот лопнет. – Чо встречаешь не в свое дело?

– Когда бьют женщин, это мое дело. – Никифор посмотрел на бритоголового с квадратной челюстью, державшего незнакомку, с которой слетел платок, открывая заплетенные в десяток косичек волосы. – Отпусти ее.

Толпа людей вокруг притихла.

– Не, орлы, вы только гляньте на него! – тем же тоном сказал круглолицый качок, видимо, вожак группы. – Он будет командовать, что нам делать. Кока, отодвинь деревню.

Громадный Кока с усиками над губой «а-ля Адольф» подошел к Никифору и толкнул его в грудь пудовым кулаком. Вернее, хотел толкнуть. И вдруг согнулся, присел и тихо лег.

Бритоголовые замолчали.

Хмель шагнул вперед, тяжело сказал, глядя в глаза парня с квадратной челюстью:

– Отпусти!

– Да иди ты! – очнулся тот, замахиваясь.

Никифор оказался сбоку, сделал неуловимый глазу выпад, и бритоголовый атлет, ойкнув, выпустил женщину, отступил, не понимая, почему рука его не слушается. Никифор в изумленной тишине приблизился к молодчику, избивавшему дубинкой юного спутника смуглянки, выхватил у него дубинку, перетянул ею по спине, по затылку, воткнул дубинку концом в солнечное сплетение бугая и, не глядя на согнувшегося, протянул руку избитому, закрывающему голову локтями, парню.

– Не бойся, идем со мной.

Женщина бросилась к юноше, обняла его, повела прочь, приговаривая что-то на незнакомом языке, бросила на Хмеля странный взгляд, выразивший удивление, благодарность и страх.

– Ну, козел, ты сам напросился! – опомнился главарь отряда. – Орлы, сделайте из него отбивную!

Молодчики бросились на Хмеля, размахивая дубинками (одна из них оказалась электрошокером), и Никифору пришлось входить в т е м п, чтобы нейтрализовать преимущество противника в численности и остудить чересчур разгоряченные головы. Через несколько секунд четверо из шестерки бритоголовых оказались на земле, а вожаку Никифор врезал отобранным электрошокером по загривку, а затем ухватил его и оставшегося на ногах скина пальцами за уши и повел, скулящих от боли, к переулку, выходящему на Новый Арбат. Отпустил, дал одному и другому под зад, сказал ровным голосом:

– Еще раз увижу здесь – переломая кости! Хотите навести порядок в стране – начните с себя.

Не слушая угроз вожака стаи, Никифор вернулся к старику кукольнику, еще не пришедшему в себя от того, что случилось, взял у него фигурку востухи, протянул три рубля.

– Спасибо, отец. Мне этот игрунец пригодится.

– Ох, и здоров ты, сынок! – покрутил старик головой. – Спецназовец, что ли? Спортом небось занимаешься?

– Спорт – это физкультура, доведенная до абсурда, – вспомнил капитан чье-то изречение, улыбнулся. – До свидания, отец.

Побитые скинхеды удалились под улюлюканье, свист и смех. Движение по улице возобновилось. Милиция же так и не появилась, хотя Старый Арбат просматривался телекамерами из конца в конец.

Никифор поискал глазами смуглянку с сыном, заставившую его изменить принципам и вмешаться в драку, не нашел, и настроение испортилось. Он не ждал от женщины какой-то особой благодарности, но ее поспешное бегство не могло не породить в душе глухую досаду. Могла хотя бы спасибо сказать, подумал Хмель, шагая домой. Затем пришла другая мысль: он мог попасть в милицию, а засвечиваться бойцам «Тайфуна» не разрешалось ни под каким предлогом, начальство вполне могло снять погоны за демонстрацию приемов боя, приравненных к холодному оружию. Недаром они давали подписку не применять «оперативную рукопашку» вне территории базы.

Он уже сворачивал на Сивцев Вражек, изредка посматривая на свою покупку и размышляя, чем она ему так приглянулась, когда его окликнули:

– Извините, мужчина...

Никифор оглянулся. Его догоняли спасенные им женщина и ее молодой спутник. Она сняла платок, и теперь стало окончательно понятно, что женщина еще очень молода.

– Мы просто хотели поблагодарить вас. – Она остановилась перед Хмелем, покраснела под его оценивающим взглядом. – Меня зовут Шарифа, а это мой брат Алан. Мы чеченцы, переселились сюда к родственникам мужа.

– Никифор, – назвался капитан, переживая странное чувство раздвоенности, досады и стеснения.

– Моего мужа убили бандиты, – продолжала женщина, – он был русским, отказался платить боевикам... Поэтому я и была в церкви, видела вас там. Извините за то, что из-за нас вы попали в неприятную историю, и спасибо.

Брат Шарифы под ее взглядом смущенно буркнул:

– Спасибо...

– Не за что, – махнул рукой Никифор. – Как вы оказались на Арбате?

– Мы тут живем недалеко, – улыбнулась молодая чеченка, – как раз напротив церкви.

– Так мы почти соседи, – удивился Никифор. – Я живу через дом от угла.

– Очень приятно, – снова улыбнулась Шарифа, отчего ее лицо становилось еще более красивым. – До свидания.

– Давайте я вас все-таки провожу, – неожиданно для себя самого предложил Никифор, чувствуя необычную тягу продолжить знакомство. – Мало кто встретится, народ тут у нас разный живет.

– Хорошо, – согласилась Шарифа. – Только люди здесь добрые, никто нас не обижал, наоборот, все помогали. А те молодые парни в черном просто зомби, такие везде есть.

Никифор с любопытством взглянул на чеченку.

– Вы знаете, что такое зомби?

– Я закончила Владикавказский университет по специальности химик-технолог. – Лукавый взгляд из-под длинных ресниц. – Там и с мужем познакомилась. А потом его убили... за то, что отказался помогать партизанам... Ну, вот мы и пришли.

Никифор окинул взглядом старый пятиэтажный дом с лепными карнизами, посмотрел на новых знакомых.

– Что ж, рад был познакомиться. Может быть, я вам позвоню как-нибудь?

– Зачем? – удивилась Шарифа.

– Просто так, – пожал плечами Никифор. – Спросить, как дела, как здоровье, нужна ли помощь.

– Помощь не нужна. – Улыбка отразилась в ее глазах внутренним светом. – Но если хотите – позвоните. – Она продиктовала телефон. – Всего вам доброго. До свидания.

– До свидания, – пробормотал неразговорчивый Алан.

Они вошли в арку, скрылись за углом.

Тебе только чеченцев спасти не хватало, проговорил внутренний голос Никифора. На кой черт тебе это знакомство?

– Если бы я знал... – вслух ответил капитан.

Дома он умылся, поговорил с мамой, довольной, что сын пришел рано, о том о сем, долго кружил по комнате, вспоминая перипетии знакомства с красавицей чеченкой, и с трудом заставил себя не звонить ей в этот же вечер, не понимая, что с ним творится. В конце концов он рассердился на себя, разделся, позанимался растяжкой мышц и сухожилий, принял душ и забрался с книгой на диван. Однако почитать на ночь не успел. В десять часов вечера в дверь квартиры позвонили.

Открывать пошла мама.

Послышался мужской голос.

Никифор насторожился, бесшумно приблизился к двери, приоткрыл. Мать разговаривала с высоким седоватым мужчиной в строгом костюме, с костистым сухим лицом и цепкими серыми глазами. Под глазом у мужчины был виден беловатый шрам. Никифор был уверен, что видит незнакомца впервые. Вышел в прихожую.

– Это к тебе, сынок, – сказала Валентина Ивановна. – По работе.

Она не знала, что сын служит в спецподразделении «Тайфун», Никифор всегда говорил, что работает в таможне.

– Не удивляйтесь, Никифор Петрович, – раздвинул гость узкие губы в деловой улыбке. – Вы меня не знаете, зато я о вас наслышан. Извините за поздний визит, да еще без приглашения, однако нам есть о чем поговорить.

– Проходите, – посторонился капитан, пропуская незнакомца с выправкой армейского офицера, посмотрел на Валентину Ивановну. – Мама, приготовь нам кофе.

– Мне чаю, если позволите, – попросил гость.

Никифор закрыл дверь, кивнул ему на диван, сам сел на стул.

– Я вас слушаю. Кто вы?

– Гвоздецкий Кирилл Наумович, полковник службы безопасности президента. Давайте поговорим как профессионал с профессионалом, капитан. Мне о вас известно все, в том числе – даже ваш последний инцидент со скинами на Арбате.

Никифор поднял угрюмоватые глаза на гостя, неприятно пораженный его осведомленностью.

– Я удостоился чести быть под колпаком спецслужб?

– Буду откровенен, Никифор Петрович, мы заинтересованы в вашем сотрудничестве с нами, поэтому немножко понаблюдали за вашим поведением. Кстати, ваше романтическое приключение не является дополнительной рекомендацией, скорее наоборот, хотя и характеризует вас как отзывчивого человека. Однако это далеко не лучшая характеристика для специалиста вашего уровня. И тем не менее мы предлагаем работу.

– Кто это – мы?

– Скажем так: группа граждан, озабоченных ситуацией в стране.

– Так не пойдет, – покачал головой Хмель. – Или вы говорите все, или пьете чай и уходите.

– Хорошо, зайду с другого конца. Я представляю службу безопасности президента...

– Это я уже слышал.

– Точнее, самого президента. По его распоряжению мы и готовим команду профессионалов, готовую выполнить любое спецзадание.

– Какое именно?

Глаза полковника похолодели.

– Надеюсь, нет необходимости рассказывать вам, оперу «Тайфуна», о коррупции и разгуле криминала в стране? Официальные органы, к сожалению, не справляются с этим валом преступлений, так как связаны по рукам и ногам несовершенной системой законов. Поэтому решено создать особый отряд по очистке страны от преступников. В первую очередь – от главарей бандформирований, похищающих людей. Как вы к этому относитесь?

– Никак, – равнодушно сказал Никифор. – Идея не новая.

– Не новая, – согласился Гвоздецкий. – Однако ее эффективность вне всяких сомнений выше существующих планов по борьбе с оргпреступностью. Между прочим, в портфеле заказов отряда, который, вероятно, получит название ЧК – Чрезвычайная карательная комиссия, есть розыск и отстрел чеченских боевиков, известных садистским уничтожением военнослужащих и заложников в войну и после.

Никифор встретил взгляд гостя и понял, что тот знает о смерти брата и о поисках Хмелем его убийц.

– Вы хороший вербовщик, полковник, – криво улыбнулся он. – И все же мне надо подумать.

– Разумеется, – кивнул Гвоздецкий. – У нас есть время. – Он посмотрел на часы. – Десяти минут хватит? Я пока чайку похлебаю.

Никифор невольно рассмеялся.

– Вы на всех так давите?

– Нет, – усмехнулся полковник президентской службы безопасности, – только на тех, в ком уверены на сто процентов.

Вошла Валентина Ивановна, неся на подносе чай, кофе и бутерброды с сыром и ветчиной.

– Угощайтесь, пожалуйста. Может быть, лимон принести, сливки?

– Будьте любезны, ломтик лимончика.

Валентина Ивановна ушла и вскоре принесла на блюдечке порезанный на дольки лимон. Гость и хозяин принялись пить каждый свой напиток. Потом Никифор сказал:

– А если я не соглашусь работать в вашей команде?

– Вы согласитесь, – спокойно отозвался Гвоздецкий. – Во-первых, такие дела доверяют только избранным и хорошо проверенным людям, таким, как вы. Во-вторых, вы будете работать не на какого-то конкретного человека, будь он даже президентом, не на группу лиц и даже не на конкретную организацию, а на страну! Согласитесь, трудно найти более важный аргумент. И в-третьих: пора показать всем подонкам, считающим себя недосягаемыми, творящим беспредел, живущим по законам вседозволенности, что они т о ж е смертны.

Наступило молчание.

Полковник пососал дольку лимона, начал жевать бутерброд.

Никифор вспоминал запись убийства брата, свои встречи с бандитами и предателями, до которых не мог дотянуться вследствие их высоких должностей, раздумывал, взвешивал решение, пока вдруг не понял, что готов подписаться под каждым словом полковника. Поднял голову и встретил его холодно-сочувствующий взгляд.

– Кто будет командиром группы?

– Я, – сказал Гвоздецкий. – Вы согласны?

– Да.

– Я не сомневался в вас. Быстрое, но умное решение.

– Ум – это способность находить убедительные оправдания, – Никифор усмехнулся, – собственной глупости. Вы предусмотрели мой перевод из ГУИН в вашу епархию?

– Мы предусмотрели все. – Гвоздецкий вынул из внутреннего кармана пиджака плотный толстый конверт. – Это ваши новые документы и материалы задания. С завтрашнего дня вы уволены из рядов «Тайфуна», кстати, вместе с вашим коллегой лейтенантом Крупкало.

– Лёнчик... – пробормотал Хмель.

– На работу в Управление можете не заходить, вы уже переведены в другую часть. Здесь же, в конверте, адрес части, куда вам следует прибыть в течение двух суток. – Полковник допил чай, встал. – Засим разрешите откланяться. До встречи. – Он протянул руку.

Никифор тоже встал, ошеломленный быстротой и напором, с какими была решена его судьба, пожал твердую, сухую руку гостя, покачал головой.

– Вы взяли меня тепленьким...

Гвоздецкий засмеялся, вышел в прихожую.

– Не вас первого, капитан. Скажу честно: я не рассчитывал, что вы легко сдадитесь, но надеялся. – Полковник заглянул на кухню. – Спасибо за чай, хозяйшка, чай был заварен по-моему. Доброй ночи.

Он исчез.

В прихожую вышла мать, глянула на сына, задумчиво склонившего к плечу голову.

– Это твой начальник, сынок?

– Да, – кивнул Никифор. – Теперь это мой начальник.

Ладожское озеро Никифор Хмель

Они встретились в Приозерске спустя три дня после знакомства в лагере, тестирования и совместной тренировки на слаженность. Всего команда ЧКК, или просто ЧК, насчитывала более двадцати человек, но исполнительное ядро команды состояло из семи оперативников, получивших приказ называть друг друга только по именам. Из них Никифор до появления на базе в Битцеве знал только двоих: лейтенанта Леонида Крупкало – Лёнчика, с которым работал в «Тайфуне», и командира группы Гвоздецкого. Остальные члены команды прибыли, как потом выяснилось, из разных спецподразделений типа Псковского СОБРа, десантно-штурмового батальона «Орел» Рязанской дивизии ВДВ или группы ФСБ «Альфа».

Все они были разными – по сложению, характеру, манере поведения, отношению к жизни, но всех их роднило обостренное чувство опасности – черта любого профессионала, а также одно любопытное обстоятельство: семьи всех членов группы так или иначе пострадали от террористов или бандитов.

Если у Никифора чеченцы убили брата, то у Лёнчика стая молодых подонков изнасиловала сестру, у снайпера Бориса машина некоего «авторитета» сбила мать. Женщина скончалась, не приходя в сознание. Отца Жеки сожгли в гараже, брата Ярослава – инспектора рыбнадзора – утопили в озере, жену Виктора – директоршу гостиничного комплекса «Петровское» – убил заказной киллер двумя выстрелами в голову. Только о полковнике Гвоздецком его подчиненные не знали ничего. Лишь выяснили, что он прошел три войны, несмотря на сравнительную молодость – ему исполнилось сорок два года, и что он владеет рукопашкой и всеми видами оружия.

В Приозерск, небольшой карельский городишко, расположенный на западном берегу Ладожского озера, «чекисты» добирались каждый своим ходом. Никифор, например, не имевший собственной машины, прибыл поездом из Санкт-Петербурга. Собрались же они здесь для выполнения задания, обеспечиваемого группой поддержки и наблюдения. Задание состояло в следующем.

В Карелии произошло четвертое за два месяца похищение известных бизнесменов с целью получения выкупа. Первые три так и не были раскрыты, родственникам похищенных пришлось платить. Последний инцидент, происшедший десять дней назад, переполнил чашу терпения не только работников правоохранительных органов, но и инициаторов создания ЧК. Был похищен тридцатисемилетний Константин Озерецковский, один из руководителей крупнейшей строительной компании края и дальний родственник президента.

Произошло это так.

По данным, которыми располагали «чекисты», похитители разрабатывали это преступление несколько месяцев. В середине июня в офис фирмы «КСК» вошли трое крепких молодых людей, одетых в милицмейскую форму. Предъявив документы на проходной, они ворвались в кабинет Озерецковского, уложили директора компании на пол, надели наручники и, вытащив его на улицу, стали запихивать в машину – джип «Мицубиси». Охранники бизнесмена попытались воспрепятствовать захвату, но были ранены выстрелами из автомата. В это время на территорию фирмы въехал гендиректор «КСК» отец Озерецковского Вадим Александрович. Он попытался было организовать погоню, однако похитители выстрелили по его «шестисотому» «Мерседесу» из гранатомета и сумели оторваться от преследования. Отец Константина получил множественные осколочные ранения и едва не потерял зрение. Один из его телохранителей был убит.

Несколько дней Константина прятали в самом Петрозаводске, где все это случилось, потом перевезли в Приозерск, а уж потом переправили на один из островов Ладожского озера. Как установили следопыты ЧК – на остров Коневец. А чтобы он не сопротивлялся, бизнесмена постоянно кололи наркотиками, едва не превратив его в наркомана. Через два дня после похищения отцу Константина позвонил неизвестный и потребовал выкуп – пять миллионов долларов. Говорил неизвестный с ярко выраженным «кавказским» акцентом.

По меркам Карелии Озерецковский-старший был человек не бедный, но такой суммы у него не было, и он после недолгих раздумий обратился за помощью к своему знакомому в УФСБ края. Так о похищении стало известно начальнику президентской службы безопасности и самому президенту. После чего и последовал приказ главы государства «замочить» бандитов без суда и следствия, а на месте расправы оставить визитную карточку ЧК. По мысли президента, такая «реклама» Чрезвычайной карательной комиссии была совершенно необходима для создания атмосферы страха для похитителей людей. Они должны были знать, что возмездие неотвратимо! Это был принцип шахматной стратегии: угроза сильнее ее исполнения.

Вскоре Озерецковскому-старшему снова позвонил посредник с акцентом, но Вадим Александрович по совету работников местного Управления ФСБ сказал, что таких денег у него нет. Тогда ему прислали видеокассету, на которой было запечатлено, как сыну отрубают палец. Вадим Александрович стал готовить выкуп.

Еще через два дня в Приозерске собралась команда ЧК, у которой оставалось всего двое суток на решение задачи: освобождение заложника и уничтожение банды. Им предстояло каким-то образом незаметно добраться до острова Коневец, где прятали бизнесмена, опять же незаметно достичь схрона и во что бы то ни стало добиться поставленной цели. От этого зависела не только жизнь заложника, но и судьба самой ЧК. Она должна была доказать свою профпригодность и эффективность.

Понимали это все «чекисты», поэтому готовились к операции тщательно, без шуток и ёрничанья, начав работу с изучения карты местности и особенностей острова.

По легенде, остров Коневец получил название еще в языческие времена от Конь-камня, возле которого прибрежные ладожские насельники оставляли коней в дар духам острова, которые охраняли оставленный на нем на все лето скот. Коневец простирался к северо-востоку примерно на шесть километров, имея крутой западный и пологий восточный берега, и отделялся от берега озера пятикилометровым проливом. Посреди острова располагались три «горы»: Святая, Змеиная и Южная высотой аж в тридцать четыре метра. По сути, эти горы представляли собой выступы кристаллических пород материка среди галечной гряды, оставленной ледником десятки тысяч лет назад.

Западный берег острова сложен из террас разной высоты, создающих местами своеобразные естественные лестницы. На южном берегу Коневца расположен храм Рождества Святой Богородицы с великолепным Рождественским собором. Еще один храм – Казанской Божьей Матери – стоит на Святой горе с тысяча семьсот девяностого года. Но храм Богородицы и монастырский комплекс намного старше: они построены еще в конце четырнадцатого века, а в тысяча четыреста двадцать первом году монастырь был перенесен из-за сильного разлива Ладоги на более высокое место, где стоит и по сей день, претерпев несколько разорений, перестроек и обновлений, периоды упадка и возрождения.

Так, нынешний собор и монастырский комплекс возведены были в конце восемнадцатого века, а в конце двадцатого – вплоть до тысяча девятьсот девяностого года – на территории монастыря размещалась база военных моряков и склады морских торпед.

Вот в склепах одного из таких складов и прятали похитители свои жертвы, в том числе – Константина Озерецковского.

Место было определено совершенно точно с помощью спутниковых систем наблюдения за поверхностью Земли (президентская служба безопасности опиралась на все новейшие

системы связи): северно-западная оконечность острова, где располагался древний разрушенный скит и он же – бывший склад, окруженный развалившимися каменными строениями. Однако незаметно приблизиться к нему было практически невозможно, тем более днем, и «чекистами» рассматривался лишь вариант ночной вылазки, имевший шанс на реализацию.

Экипировка группы поразила даже выдавшего виды Никифора.

Им предоставили новейшие комбинезоны «ратник» для спецопераций, приборы ночного видения, компьютерные прицелы, множество приспособлений для ориентации, связи, маскировки, пересечения скальных гряд, подъема на стены, а также оружие на выбор: бесшумные снайперские комплексы «винтобой», пистолеты бесшумного боя «котик», пистолеты-пулеметы «горох», стреляющие ножи, наборы метательных пластин и дротиков, арбалеты и пси-излучатели «нокаут», называемые в просторечии «глушаками», с радиусом гарантированного действия до двадцати пяти метров.

Кроме того, в комплект снаряжения входили рации с дальностью действия до пяти километров, органайзеры для ориентации и контроля «своих» и уникальные приборчики, выявляющие у противника не только наличие оружия на дальности до двух километров, но и его тип. Никифор о таком приспособлении даже не слышал.

В воскресенье восемнадцатого июня они были готовы к броску на остров, получая от наблюдателей группы поддержки и наведения все данные о перемещениях сторожей заложников: по всем признакам, пленников было двое. Операция должна была начаться и закончиться этой ночью с воскресенья на понедельник. Дальше тянуть с освобождением Озерецковского было нельзя, по следу похитителей шли опера угрозыска и ФСБ и скоро тоже должны были выйти на схрон бандгруппы.

По сведениям наблюдателей, всего пленников сторожили шесть человек. Трое занимали позиции за остатками стен скита, наблюдая за местностью, трое отдыхали в подземном бункере – бывшем складе морских торпед. За те три дня, что «чекисты» готовились к захвату схрона, сторожа ни разу не появились на берегу острова днем, имея, видимо, запасы воды и пищи и не желая выдавать свое убежище. Лишь по ночам один-двое выходили на террасу перед храмом, прогуливались или просто курили. По данным радиоперехвата было известно, что раз в четыре дня к ним с материка прибывает лодка, что организованная преступная группировка, специализирующаяся на похищении людей, насчитывает по крайней мере еще десять человек, а главарь банды находится в Петрозаводске. Однако выяснить, кто он, где прячется и под какой личиной живет, пока не удавалось.

Впрочем, командира ЧК и его подчиненных это не волновало. Они решали конкретную задачу по ликвидации банды. О последствиях должны были думать руководители рангом повыше.

В половине одиннадцатого вечера команда ЧК в полном составе погрузилась на катер. Каждый нес свою сумку со снаряжением и оружием. Никифор выбрал себе бесшумный пистолет «котик», нож и набор дротиков. Пси-излучатели были только у Гвоздецкого и у Виктора, отвечающего за захват «языка». Снайперские винтовки взяли Борис и Ярослав.

Через час катер подошел к острову с севера на расстояние десяти километров и перешел на струйный двигатель, почти не дающий шума. Группа начала переодеваться в маскировочные комбезы, а когда катер подошел к острову вплотную (этот участок берега не просматривался из укрытия, где сидели сторожа заложников), «чекисты» попрыгали на отмель и нырнули в прибрежный кустарник, за которым начинался негустой смешанный лес. До цели им предстояло преодолеть всего около двух километров.

Катер остался ждать их возвращения.

Гвоздецкий включил органайзер, экранчик которого показал схему местонахождения бункера с пленниками, проверил работу радиоотвечиков всех членов группы: в уголке экрана высветились семь зеленых звездочек. Жестом приказал включить рации.

- Как слышимость?
- Нормально, – откликнулись «чекисты».
- Самочувствие? Никто не жалуется?
- Нормально.

– Тогда начинаем работать. Полтора километра идете за мной цепью, потом расходимся. Я беру одного часового, Борис второго, Виктор третьего. Снимаем по сигналу Виктора, ему надо подобраться к своему объекту почти вплотную.

- Я мог бы снять третьего из винтаря, – сказал Ярослав.
- Нам нужен «язык», знающий пароли и систему охраны внутри бункера. Вопросы есть?

Нет? Вперед!

Семь почти невидимых в ночной темноте фигур бесшумно растворились в лесу, направляясь к западной оконечности острова, где находился схрон похитителей людей.

В двенадцать часов ночи они вышли к террасе, на которой кое-где среди сосен и берез торчали из земли крупные валуны и галечные языки, начали окружать скит со всех сторон, включив приборы ночного видения.

Никифор обошел крутой склон холма, сложенный из крупного, хорошо окатанного галечника-валунника, нашел русло пересохшего ручья и по нему вылез на террасу, стараясь не наступать на скрипучую каменную осыпь.

На фоне бурого – в инфракрасной оптике – неба стали видны багровые, коричневые и черные зубчатые стены остатков храма и разрушенных каменных строений, служивших когда-то хозяйственными постройками базы моряков. Более яркое пятнышко за одним из темно-вишневых зубцов принадлежало голове часового. Никифор направил в его сторону решеточку прибора для определения типа оружия (Гвоздецкий называл его армингом), и на экранчике плоского футляра величиной с детскую ладошку высветились две цифры: 2 и 5. Это означало, что часовой вооружен автоматом и гранатами.

– Вижу часового, – доложил Никифор; он был в шлеме, и звук голоса полностью гасился защитной сферой, не вылетая наружу.

- Оставайся на месте, – отозвался Гвоздецкий. – Жди сигнала.

Никифор замер, считая секунды и минуты. Температура воздуха на острове держалась около трех-четырех градусов тепла, но комбинезоны хорошо защищали тело от холода. На четвертой минуте рация донесла голос Виктора:

- Я готов.
  - Я тоже, – доложил Борис.
  - Десятисекундный отсчет.
- На десятой секунде Виктор скомандовал:
- Огонь!

Светлое пятнышко в полусотне метров от Никифора исчезло за выступом стены. Часовой снял из «винтобоя» Борис. Выстрела слышно не было, несмотря на полную тишину вокруг.

- Вперед! – бросил полковник.

Никифор метнулся к развалинам, обходя кучи камней, перепрыгнул какой-то ров и вдруг почувствовал непреодолимое желание упасть на землю. Не раздумывая ни мгновения, нырнул головой вперед, на лету разворачиваясь лицом вверх, увидел яркую вспышку выстрела слева от себя (стреляли из автомата) и выстрелил в ответ три раза подряд. Упал, перекатился на бок, готовый стрелять, но все было тихо.

- Кто нашумел?! – рявкнула рация.
- Часовой, – отозвался Никифор, откатываясь под стену и вставая с пальцем на курке пистолета. – Их было четверо.

– Дьявол! Если внизу слышали... Слава, взберись повыше и держи под прицелом развалины. У них могут быть запасные выходы из бункера. Виктор, что у тебя?

– «Язык» утверждает, что внизу целая система коммуникаций. Двое сторожей находятся в «жилом блоке», еще один на «кухне». Пленники – их действительно двое – содержатся в бетонном склепе, бывшей подклети храма. Вход в подземелье тут рядом.

– Ник и Лёнчик тебя прикроют.

Никифор перелез через остаток стены, преодолел груды каменных обломков и увидел светлый контур бюста над извилистой стеной храма. Ответчик шлема высветил зеленый крестик на пластине визуального слежения – бюст принадлежал «своему», Виктору. Рядом с ним сидел, безучастно прислонившись к стене, человек в черном ватнике – парализованный выстрелом из «глушака» часовой.

– Где вход? – спросил Никифор.

– В четырех шагах ступени вниз, видишь?

– Вижу. Пошли.

– Дождемся Лёнчика.

– Я здесь, – появился лейтенант.

Никифор снял с руки перчатку, дотронулся до стены бывшего храма. Стена была отсыревшей и кое-где осыпалась. А когда они спустились по каменным ступеням в темноту подвального входа в подземное хозяйство морской базы, то оказались по шиколотку в воде.

– Вот хрень! – прошипел Виктор. – Откуда здесь вода на горе?

Никифор хотел ответить, но в это время тяжелая металлическая дверь перед ним начала открываться, он вовремя откинул пластину прибора ночного видения, и свет фонаря, брызнувший в лицо, его не ослепил. Дважды выстрелив в проем двери, капитан перешагнул через упавшее тело, подобрал не погасший фонарь и двинулся в глубь довольно узкого коридора с мокрыми бетонными стенами, покрытыми разводами плесени, и ребристым полом, на котором стояли лужи черной воды. Коридор уперся в еще одну металлическую дверь с едва видимыми буквами и цифрами: ХМ 404. Дверь была полуоткрыта. Никифор с трудом расширил щель, вышел в квадратное помещение с массивными балками и пучком труб по стене. В полу помещения виднелся выпуклый глаз люка, две двери вели налево и направо, одна из них – правая – также была полуоткрыта.

– Куда? – оглянулся Никифор.

– Я понял так, что их «жилой блок», – отозвался Виктор, – кухня и камера с пленниками располагаются на одном горизонте. Вряд ли они спустились еще ниже. Люк закрыт, и туда просачивается вода.

– Эй, Бегемот, – послышался из-за двери дребезжащий из-за резонанса голос, – это ты? Кто стрелял?

Размышлять – что делать – было некогда, отступить – поздно, и Никифор сделал первое, что пришло в голову: шагнул в коридор за дверью и направил луч фонаря вперед.

Этот маневр оказался единственно верным: свет на мгновение ослепил идущего навстречу бандита, и это позволило Никифору сориентироваться первым и выстрелить. Сторож – громадный детина в черном ватнике (под землей было холодно и сыро), с автоматом в руках, упал на штабель каких-то ящиков, с грохотом рассыпавшихся по бетонному полу довольно большого помещения со стеллажами вдоль стен. И тотчас же из дальнего угла помещения заработал еще один автомат.

Пули вонзились в ящики, в стеллажи, с визгом запрыгали по стенам. Одна из них разбила фонарь в руке Хмеля, стало темно.

Никифор нырнул за какую-то толстую деревянную колоду с торчащим в ней топором, дважды выстрелил, сменил обойму. Автомат же строчил не переставая, словно имел бесконечный магазин.

– Прикройте меня! – бросил Никифор.

В проеме двери сзади показался ствол снайперки Бориса, плюнул огнем раз, другой, третий. Никифор перекатился вправо, открывая огонь. Автомат поперхнулся. Никифор метнулся в угол, отыскал на черно-малиновом фоне подвала более яркие пятна – ствол автомата и лицо стрелка, выстрелил, но этот его выстрел был уже лишним. Сторож не подавал признаков жизни. Однако задерживаться здесь было нельзя, оставался еще один защитник схрона, и он вполне мог уничтожить заложников, прежде чем попытаться уйти.

– Не стрелять! – прохрипел капитан, заметив приблизившегося к нему Бориса. – Можем задеть пленников. Витя, дай «глушак».

– Я сам.

– Быстро! Здесь могу пройти только я.

Виктор, помедлив, сунул Никифору тяжелый гипноизлучатель с квадратным – без отверстий – дулом. Капитан снял с себя шлем, вызвал необходимое состояние «без мыслей», сосчитал до семи и в темпе рванулся через помещение к двери, ведущей в глубь подземелья.

Коридор, начинавшийся за дверью, встретил его токами ненависти, угрозы и страха, которые он ощущал, почти как лучи видимого света. Определив самый «яркий» источник этих «лучей», Никифор выстрелил в том направлении из «глушака» и, пока его тело самопроизвольно металось в теснине коридора из стороны в сторону, «качало маятник», уворачиваясь от пуль (оставшийся в живых сторож начал стрельбу из «калашникова»), давил на гашетку парализатора до тех пор, пока не прекратилась стрельба и не погас «прожектор злобы и ненависти». Только после этого к нему вернулись мысли и чувства, и Никифор ощутил жжение на щеке и боль в левом бедре. Две из ливня пуль автоматчика все же нашли его и пробороzdили щеку и бедро.

Однако судьба хранила его, он остался жив и даже не потерял сознания, продолжая участвовать в операции.

«Чекисты» отыскиали камеру, в которой находились пленники, вывели их наверх, оставив на месте боя визитку с черно-золотыми буквами ЧКК, и вызвали по радиации катер, чтобы не тащиться через буераки острова ночью.

В половине второго ночи катер подобрал группу, и, лишь оказавшись на его борту, Никифор почувствовал головокружение и слабость. Все поплыло перед глазами. В голове послышался нарастающий стеклянный звон. Капитан обмяк, прислонившись спиной к стенке рубки, и уже не слышал, как его окликнул Гвоздецкий. Его попытались привести в чувство, потом принялись раздевать, он это почувствовал, но выплыть из ватно-жаркой дремы не смог.

Вологда Дмитрий Булавин

Он стоял на самой верхней площадке высокой башни и смотрел вниз, на разливы лесов и полей, на величественную реку, петлявшую между холмами, на бездонное голубое небо с легкими перистыми облачками, на встающее из-за горизонта солнце. Тело казалось легким, почти невесомым, хотелось прыгнуть со скалы и парить в воздухе, как птица, радостно и вольно. Дмитрий набрал в грудь воздуха, собираясь шагнуть в бездну, и вдруг что-то произошло вокруг.

Потемнел небосвод. Похолодало. На западе появилась растущая тень, заняла полнеба, уплотняясь, приобрела очертания гигантского дракона, распростершего черные крылья над зеленой равниной. Когтистая лапа протянулась к солнцу, превращая светило в кроваво-красный пятнистый лик чудовища.

Дмитрий почувствовал дуновение ледяного ветра, съежился, понимая, что сейчас солнце погаснет, настанет тьма и мир умрет, замерзнет. И в это время на холме под скалой появился босой ребенок, светловолосый мальчик в белой рубашке с вышивкой и таких же штанах. Он поднял вверх ладошки, направляя их на драконовидную тень, волосы его стали золотистыми, потом огненными, глаза вспыхнули пронзительной голубизной, с ладошек сорвались ослепительные молнии и вонзились в дракона.

Раздался грохот, визг, вой, тень дракона взметнулась, отпрянула, разбилась на кривые осколки и стала таять, испаряться, светлеть. Исчезла! Солнце засияло в полную силу.

Мальчик перестал светиться, хотя волосы его так и остались белыми, не седыми – а серебристыми, посмотрел снизу вверх на Дмитрия, улыбнулся, помахал ручонкой и бегом направился к лесу, исчез под деревьями. Дмитрий хотел окликнуть его, пораженный увиденным, однако сорвался со скалы... и проснулся в холодном поту, все еще видя перед собой лицо мальчишки: спокойное, удивительно чистое, приветливое, с глубокими, ясными, умными голубыми глазами.

– Приехали! – глубокомысленно произнес Дмитрий, разглядывая картину на стене спальни: могучие ели образуют как бы величественную арку в зеленом полумраке, верхняя часть арки светится как три свечи, а луч невидимого из-за деревьев солнца освещает маленькую елочку в центре этой природной арки.

Картина называлась «Лесная готика» и принадлежала кисти Константина Васильева. Точнее – кисти Максима, ученика Дмитрия, увлекавшегося творчеством Васильева и делавшего иногда копии его полотен.

– Приехали, – повторил Дмитрий, – не сон, а кино и немцы. Не хватало детишек с колдовскими замашками.

Мысли свернули в иное русло.

Максим Петришин пришел в Школу выживания «Белояр», которой руководил отец Дмитрия Михай Олегович и в которой сам Дмитрий работал инструктором древнеславянской системы целостного движения, еще десятилетним мальчишкой. Теперь же ему исполнилось восемнадцать лет, и он подавал большие надежды стать не только мастером выживания, но и – в будущем – инструктором и наставником Школы.

«Белояр» был создан в Вологде Булавиным-старшим еще в конце двадцатого века, и ему скоро должно было исполниться двадцать лет. В принципе, двадцать лет – срок небольшой для организации нового философского течения или воссоздания древних традиций, но все великое всегда начинается с малого, а вологодская Школа выживания не только не умерла в смутные российские времена «перехода от социализма к демократии», но и сумела доказать свою

состоятельность, воспитав в духе почитания родовых корней и славянских норм два поколения юношей и девушек, научив их защищать свой внутренний мир от агрессивного вторжения чужого образа жизни, не бояться труда и добиваться поставленной цели.

Все они на первых этапах обучения жаждали научиться боевым искусствам и не понимали, почему их заставляют постигать основы правильного дыхания, учат танцам и движению вообще. Дмитрий помнил выражение лиц молодых парней и мальчишек, когда он начинал свой первый урок с получасовой лекции о системе «Белояр».

– Прежде всего, – говорил он, – уясните себе, что я буду учить вас не драться, я буду учить вас правильно двигаться в соответствии с древней методикой славянского рода, основанной на целостном восприятии мира, на телесно-ориентированном направлении в трансперсональной психологии. Эта система опирается на еще более древнюю технику движения под названием *жива*, направленную на восстановление и сохранение сил, укрепление здоровья и психики в любых экстремальных ситуациях. Мало того, *жива* способствует повышению скорости движений и гармоничному их сочетанию, а также высвобождению мощных резервов организма человека, о которых вы наверняка не имеете понятия. Можно сказать так: «Белояр» – введение в *живу*, которую вполне допустимо называть искусством сохранения себя и окружающей природы, искусством достижения целостности через осознание и овладение своей внутренней энергией как частью общей энергии Мироздания.

Дмитрий замолчал, прищурясь, окидывая понимающим взглядом зал для тренировок, где собралось около двадцати пяти неофитов, мальчиков, девочек, юношей и девушек постарше, парней в возрасте свыше двадцати лет.

– Что приуныли? Наверное, подумываете: в школе читают лекции – и здесь то же самое, зря пришли. Так? Могу успокоить. Я сказал вам то, что обязан сказать, и все мной сказанное буду показывать на практике. «Белояр» не только философская психофизическая система выживания, требующая знания дисциплин, таких, как «силовая устойчивость», «виртуальная мышечная динамика», «триггерная динамика», «свободное целостное движение», но и система лечения, искусство медитации, защита и система боевого совершенствования, взявшая все лучшее из существующих воинских искусств. Хотя правильнее все же было бы сказать, что она просто «вспоминает» древние методики, созданные нашими предками в далекие магические времена.

Дмитрий замолчал, увидев поднятую руку.

– Слушаю тебя.

– Извините, – сказал розовощекий вихрастый парнишка в спортивном костюме, – а вы сами мастер какой системы? И где учились? В Японии?

– Боюсь тебя разочаровать, – мягко сказал Дмитрий. – Учился я в России, по большей части у своего отца, он мастер боливака, одного из ответвлений *живы*. Но я прошел хорошую армейскую подготовку, испытал рукопашку всех боевых стилей от кунг-фу до самбо, хотя все они основаны на правильном целостном движении.

– А показать какой-нибудь прием можете?

Дмитрий улыбнулся.

– Применение полученных мною навыков приравнивается к применению огнестрельного оружия. Но кое-что я вам покажу. Подойдите ко мне шестеро.

К Дмитрию вышли четверо крепких парней и два подростка.

– Берите меня за руки и за ноги, крепче. Теперь держите изо всех сил. Готовы? Начали. Парни напряглись.

Дмитрий качнул внутри себя «гуляющий центр тяжести» и вывернулся из захватов, столкнув парней лбами.

В зале среди сидящих учеников послышались смешки. Смущенные молодые люди с удивлением посмотрели на Булавина. Тот с добродушной усмешкой похлопал их по плечам.

– Это не фокус, ребята. Подойдите еще четверо. Беритесь посильнее, чтобы удобно было меня держать. Взяли?

Дмитрий повернулся влево-вправо и одним змеиным гибким движением освободился от захватов, заставляя державших его молодых людей сталкиваться и мешать друг другу.

– Как вы это делаете?! – восхищенно спросил один из них, поднимаясь с пола.

– Этому можно научиться. Моделируемое сознанием движение выглядит как последовательность телесных формообразований, между которыми необходимы дискретные переходы. Сознание дробит единство пространственно-временных связей окружающего мира. Я научу вас неосознаваемому текучему движению, которое не содержит фиксируемых сознанием переходов, определяемых мышечными блоками и зажимами.

– А долго этому надо учиться?

– Долго. Но если есть терпение, все реально. Я же научился.

– Сколько вам лет?

Вопрос задала девушка, покрасневшая под взглядами подружек и приятелей. По залу прокатился легкий шумок, смех. Дмитрий улыбнулся.

– Мне тридцать три.

– Мы думали, что вы старше.

Смех в зале стал общим. Потом кто-то из парней сказал:

– Дмитрий Михеевич, вы только рукопашным боем владеете или холодным оружием тоже? Фехтованием не занимались? Кэндо?

– Занимался, – кивнул Булавин. – А что?

– Через три дня на территории кремля состоится чемпионат России по историческому фехтованию...

– «Меч России». Я знаю.

– Вы не примете в нем участие?

Дмитрий оглядел ждущие, внимательные, сомневающиеся и полные надежд юные лица и понял, что разочаровывать своих будущих учеников не должен. Если он откажется, они не поймут, и многие потом не придут на занятия Школы.

– Приму.

– Вот здорово!

Все зашумели, толкая друг друга локтями...

Дмитрий встал с кровати, разглядывая себя в зеркале трюмо. Показал язык.

– Что, пора отвечать за свои слова?

Он был высок, поджар, жилист, впечатления атлета не производил, однако мог одним ударом ладони (и даже пальцем) пробить дюймовую доску и уложить любого противника вдвое большей массы и габаритов. Лицо у Булавина было продолговатое, с твердым подбородком и крупными губами, нос тонкий, с горбинкой, глаза желтые, или «медовые», как любила говорить мама. Широкие брови придавали лицу некий «мефистофелевский» вид. Волосы у Дмитрия были каштановые, волнистые, длинные – до плеч, но он редко связывал их в пучок на затылке, предпочитая носить свободной волной. А вот «стариком» его делали залысины, доставшиеся в наследство от отца. Видимо, они и заставили юную ученицу Школы спросить о возрасте инструктора.

Дмитрий ухмыльнулся и пошел умываться. Сегодня ему предстояло выступить на соревнованиях по историческому фехтованию, и надо было не ударить лицом в грязь, показать все, на что он был способен. Хотя отец и не одобрял его решения принять участие в турнире «Меч России».

Сорок минут Дмитрий занимался тренировкой дыхания по системе кульсинат, начиная медитацией и кончая «танцем всех частей тела». Это учение принадлежало древнему уйгурскому роду Чай-Фу-шан и хранилось в секрете, но отец Дмитрия долгое время жил в Китае

и сумел расположить к себе мастера кульсинат, после чего сам стал мастером и взял многое из этого учения для создания собственной школы «Белояр». Естественно, его сын перенял методику кульсината, хотя, в свою очередь, кое в чем его усовершенствовал, добившись более полного согласования элементов телесной пластики.

В девять часов утра Булавин натянул льняные штаны и рубашку без воротника, вывел из гаража недалеко от дома (он жил в маленькой двухкомнатной квартирке, принадлежавшей еще деду Стогнею, в шестиэтажном доме по улице Багровской, недалеко от церкви Сретения) двухлетнего возраста «Хонду-Престиж» и направился по набережной в сторону Октябрьского моста через Вологду; кремль с его соборами – Софийским и Воскресенским – стоял на другом берегу реки, на так называемой Соборной горке, оплывшей и почти исчезнувшей за сотни лет с момента постройки кремля.

За светофором на улице Мостовой голосовал прилично одетый молодой человек с небольшой кожаной сумкой на ремешке. Дмитрий редко подвозил людей и никогда – за деньги, поэтому сначала хотел проехать мимо, но молодой человек энергично потряс рукой, постучал по циферблату часов, и Булавин остановил машину.

– Извините, шеф, – сказал молодой человек, просовывая коротко остриженную голову в кабину «Хонды». – Опаздываю, подбросьте до моста.

– Садитесь, – согласился Дмитрий.

Молодой человек кинул свою сумочку на заднее сиденье, сел рядом с водителем и начал звонить кому-то по мобильному телефону, обещая «приехать и со всеми разобраться». У моста он вышел, заплатив полсотни, хотя Дмитрий и не просил за проезд. Слегка позабавившись этим случаем, Булавин переехал на другую сторону Вологды, повернул на перекрестке направо, на Кедровскую набережную, и в это время его лихо притер к тротуару темно-серый «БМВ» с тонированными стеклами. Открылись дверцы машины, из нее выскочил детина в костюме и при галстуке, наклонился к окошку водителя.

– Командир, ты тут нашего парня вез, – деловито проговорил он. – Так он у тебя деньги забыл.

– Деньги? – поднял брови Дмитрий, которому не понравился шалый блеск в глазах парня. – Эти? – Он протянул пятидесятирублевую купюру, что дал ему недавний пассажир.

– Да нет, наш парень у тебя на заднем сиденье целый сверток с деньгами оставил.

Дмитрий оглянулся и действительно увидел какой-то белый бумажный сверток.

– Забирайте, – кивнул он, недоумевая, каким образом пассажир мог не взять сверток, если даже он выпал из его сумки.

– Извини, мы теперь посчитать должны, – виновато развел руками детина. – Не дай бог не достача, с нас три шкуры сдерут.

Дмитрий, сомневаясь в собственной трезвости, открыл заднюю дверцу. Ситуация окончательно перестала ему нравиться.

Детина влез в кабину, развернул сверток, начал считать деньги – доллары США – и вдруг нахмурился.

– Э-э, командир, тут не хватает двух «штук». Ты часом не фокусник? Упаковка вроде целая, а баксов нет.

Дмитрий понял, что нарвался на авторэкетиров, которых в последнее время развелось немерено. До этого он никогда не думал, что подобное может случиться и с ним.

– Вылезай, красавец, – с досадой сказал он, оборачиваясь, и увидел направленный в лицо ствол пистолета.

– Не дергайся, братан, – покачал головой детина, – мы люди понятливые, но до определенного предела. Гони две «штуки» обратно, и мы мирно разойдемся.

Из «БМВ» вылезли еще два мордоворота, стали с двух сторон булавинской «Хонды». Дмитрий оценивающе посмотрел на них, повернул голову к бандиту с пистолетом.

– А если я скажу, что не брал ваших «трудовых» «штук»?

– Не пойдет, – раздвинул в ухмылке бледные губы детина. – Если мы их не найдем тут у тебя, значит, ты их успел передать кому-то по дороге. Уж лучше добром отдай.

– Ясно, – вздохнул Дмитрий, усмехнулся с сожалением. – Ну и денек у меня с утра выдался, прямо отдых сердца. А если я сопротивляться начну, милицию звать?

– Не рекомендую, – снова ухмыльнулся детина. – Еще и срок получишь за кражу. Зачем тебе лишние хлопоты? Как говорится, лучше минуту побыть трусом, чем всю оставшуюся жизнь мертвецом.

– Резонно, – улыбнулся Дмитрий и особым приемом, вывернувшись винтом с сиденья, отобрал у бандита пистолет. Передернул затвор, направил ствол на ошалело разинувшего рот парня.

– Тихо! Я вас выслушал, теперь послушайте меня. Прикажи своим коллегам, чтобы не играли в ковбоев и отошли от машины, иначе я выстрелю первым.

Детина с любопытством посмотрел на спокойное лицо Булавина, открыл дверцу, не спуская глаз с пистолета (интересно, откуда у них девятимиллиметровый бельгийский «FN» модели «стандарт» с обоймой на четырнадцать патронов?) и негромко проговорил своим напарникам, схватившимся за оружие:

– Спокойно, ребята, ошибочка вышла. Садитесь в тачку, я сейчас.

– Пусть отъедут.

– Сдайте назад.

Одетые в темно-синие костюмы приятели бандита спрятали пистолеты, залезли в «БМВ». Машина отъехала назад, остановилась в десяти метрах.

– Извини, братан, – дружелюбно сказал детина, не выказывая особых признаков страха. – Ну просчитался я, деньги все на месте. Отдай пушку, и мы разойдемся как в море корабли.

– Выходи, корабль, – повел стволом Дмитрий.

– А пистолетик? Сделай нам мелкую радость, верни.

– Мелкие радости ведут к крупным неприятностям. – Дмитрий вынул обойму, спустил курок, протянул разряженный пистолет рэкетиру. – Деньги не забудь.

Детина вылез.

– Мы тебя найдем, братан.

– Это будет второй вашей ошибкой, – хладнокровно сказал Булавин. – Источник нашей мудрости – наш опыт. А знаешь, что является источником нашего опыта?

– Ну?

– Наша глупость. Поэтому прими совет: не ищи приключений на свою корму. Сегодня я добрый, потому что спешу, в другой раз тебе может не повезти.

Дмитрий дал газ и отъехал. Детина, сунув руки в карманы брюк, смотрел ему вслед, потом сел в подъехавший «БМВ». Но преследовать «Хонду» рэкетеры не стали.

Через несколько минут Дмитрий припарковал машину возле остатков кремлевской стены восемнадцатого века и сразу забыл о своем приключении с подвозом члена шайки вымогателей. Из-за стены доносился нестройный шум толпы, слышались удары металла о металл, лошадиное ржание, топот копыт, пыхтение, крики, смех, аплодисменты. Соревнования уже начались, и зрители приветствовали участников.

Обычно чемпионаты России по историческому фехтованию, ставшие с недавних пор международными рыцарскими турнирами, проходили в Москве, на территории историко-культурного комплекса «Сетуньский Стан». Однако организаторы чемпионата решили с этого года проводить их и в других городах, имеющих древние крепости, монастыри и кремли: в Нижнем Новгороде, Туле, Смоленске, Ярославле, Пскове. Выбор пал на Вологду, где и были сооружены импровизированное ристалище, деревянный амфитеатр для зрителей, «княжеские ложи», шатровый городок, в котором разместились почти четыре сотни участников из рыцар-

ских клубов различных городов страны, а также гости из ближнего и дальнего зарубежья – Дании, Польши, Литвы, Украины, Франции, Италии и Германии.

Насколько был осведомлен Дмитрий, только в России было создано более сотни таких клубов, максимально придерживающихся историчности в костюмах, традициях, оружии и атрибутике, занимающихся изучением старинных воинских приемов и обрядов, исторической реконструкцией одежды и доспехов, спортом и каскадерством. В одной Москве их насчитывалось за тридцать, имеющих громкие названия типа: «Серебряные волки», «Славяне», «Лютичи», «Наследие предков» и «Ратник». В Вологде тоже был сформирован клуб «Витязь», достойно выступавший в чемпионатах. Именно на его стороне и предстояло Дмитрию сразиться на мечах. Он хорошо знал президента, или, как принято говорить, воеводу клуба Евгения Платова, неплохого кулачного бойца и мастера спорта по тяжелой атлетике, который помогал отцу Дмитрия в создании Школы выживания.

Вообще, поединки на мечах только на первый взгляд могут показаться лихим размахиванием клинками, всего лишь красочно-шумным шоу. Они требуют определенных навыков и недюжинной физической силы, так как вертеть железякой, которая весит от полутора до двух килограммов, занятие не из легких. А если учесть, что меч – не железная палка, им можно серьезно поранить противника, несмотря на доспехи и применяемые методы защиты – подшлемники, наколенники, налокотники, то и вовсе становится не по себе, особенно человеку, впервые берущему меч в руки. Правда, Дмитрий волновался по другой причине: очень не хотелось обижать молодых парней, рвущихся к пьедесталу чемпионата, жаждущих получить из рук королевы турнира награду и понятия не имеющих, что их сегодняшний противник владеет «техникой Велеса» – приемами боя на мечах, корни которого уходят в древнюю Русь-Орду, чьи воины на протяжении сотен лет превосходили всех других рыцарей. Этой технике Дмитрий учил дед Стогней, потом отец, и хотя сам Булавин-младший не любил фехтование, точнее, был к нему равнодушен, мечом и саблей владел не на любительском, а на боевом уровне.

Его уже ждали в шатре «Витязей».

– Опаздываешь, – укоризненно прогудел в бороду Платов. – Давай быстренько облачайся. Сейчас там пока бьются рыцари на лошадях, потом пойдем мы. Учти, очень сильный состав привезли туляки, с ними прошлогодний чемпион Паша Быстров. Кроме того, приехал Ульф Паккинен, чемпион Европы. Тебе придется попотеть.

Дмитрий кивнул, натягивая на себя кольчугу. Ему помогали двое парнишек из клуба, игравших роль оруженосцев. Остальные члены клуба были уже готовы к бою и смотрели состязания на ристалище.

– Что еще в программе?

– Турнир, показательные бои на лошадях, с пиками и мечами, поединки богатырей, супершоу каскадеров, конкурс костюмов, обрядовая свадьба, посвящение в рыцари.

– Моих учеников видел?

– Сидят в первых рядах амфитеатра, жаждут восхититься искусством учителя.

Дмитрий усмехнулся.

– Не разочаровать бы.

– Да ты что? – удивился Платов, громадный, выпуклый со всех сторон, настоящий богатырь, которому очень пошла бы громадная палица. – Сомневаешься в своих силах? Я же видел, как ты рубишься.

– Да жаль мне пацанов, они-то не прошли школу, какую прошел я.

– Не скажи, Паша Быстров мастер спорта по сабле, а мечом машет как перышком. Да и Ульф не подарок. Ты их еще победи.

– Постараюсь, – усмехнулся Дмитрий, беря в руки шлем, щит из легкого и прочного бериллиевого сплава и меч.

Меч этот, сделанный по особому заказу мастерами Златоуста для самого Платова, весил один килограмм семьсот пятьдесят граммов и имел специальную балансировку и эргономическую рукоять. Им можно было наносить любые косые, колюще-рубящие и удары без замаха, которые наносятся при возвращении меча после прямого удара. В групповом бою такие удары, называемые «змеиными оборотками», дают особое преимущество мастеру.

Конечно, в современных условиях существовали определенные правила, которые необходимо было соблюдать в поединке. Так, например, запрещались колющие удары в лицо, рубящие – по запястьям рук, и удары в пах. Но все же риск получить рану или травму был, и никто не мог предвидеть исхода поединка.

Платов же отдал свой меч Дмитрию потому, что сам не участвовал в соревнованиях из-за травмы колена. Хромая, он повел «надёжу и опору» клуба к ристалищу, где уже шла сеча.

Турнир на лошадях, с пиками и саблями, закончился. Начался рыцарский турнир, в котором принимали участие пятьдесят воинов из двадцати с лишним клубов и гости из-за границы. Бои велись до получения победителем двадцати очков: по два очка приносили удары мечом в голову (по шлему) и корпус, по очку – удары по плечам, рукам и ногам. Хотя турнир, собравший огромное количество зрителей (больше тысячи, многим не нашлось места), проходил в трех весовых категориях – до шестидесяти пяти килограммов, до девяноста и свыше девяноста килограммов, в финале выявлялся и абсолютный победитель. Как правило, им становился могучий воин, легко выдерживающий вес доспехов, жару, духоту, долгое маневрирование и владевший мечом. Такими были Паша Быстров, двухметровый богатырь из Тулы, весивший около ста килограммов, и Ульф Паккинен, боец из Швеции, чемпион Европы.

Вес Дмитрия не превышал семидесяти восьми килограммов при росте метр девяносто три сантиметра, но он не сомневался, что в финале ему придется сражаться либо с Быстрым, либо с Паккиненом.

Шум на трибунах ослабел, потом снова усилился. Начинались рыцарские поединки с выбыванием – по два сразу, чтобы успеть закончить соревнования к вечеру.

Дмитрий оглядел место действия и невольно покачал головой. Блестящие кольчуги, латы, островерхие шлемы, звериные шкуры, арбалеты, луки и мечи воинов, яркие наряды девушек, каменные стены кремля создавали непередаваемое ощущение ушедшей эпохи. Казалось, он перенесся на несколько столетий назад, в эпоху Золотой Руси, славившейся своими витязями и красотой женщин, и это ощущение заставило Дмитрия по-новому оценить идею подобных чемпионатов и усилия его организаторов, направленные на возрождение родовых традиций. Хотя, с другой стороны, Дмитрий понимал, что не все обряды и ритуалы следует копировать один к одному, воссоздавать в прежнем виде. В новое время необходимо было закладывать и новые традиции, опираться на новые символы, искать новые пути к сердцам и душам детей и взрослых.

Закончился первый бой. Два победителя вскинули мечи, поклонились, сняли шлемы, открывая разгоряченные, потные, улыбающиеся лица, и ушли, сопровождаемые громом аплодисментов. Победенные, конечно же, чувствовали себя не столь радостно, однако покидали поле боя без злобы, исповедуя принцип олимпиад: главное не победа, а участие. Один из проигравших хромал, и Дмитрий вспомнил трагический случай в своей спортивно-воинской карьере, происшедший больше десяти лет назад, когда во время показательных выступлений Вологодского ОМОНа, – Булавин-младший тогда служил в спецназе внутренних войск, – один из офицеров взвода нанес удар штык-ножом в грудь напарника и пробил спецжилет, в результате чего боец скончался от проникающего ранения в сердце. Тот случай наделал много шума во всех сферах жизни города, и показательные выступления с применением оружия запретили. Однако спецназовцев продолжали учить жестко, профессионалов можно было вырастить и воспитать только «на натуре», и они продолжали рисковать здоровьем и жизнью, тренируясь

в условиях, приближенных к боевым, получая при этом не только синяки и царапины, но и травмы, и переломы, и серьезные раны.

Диктор объявил фамилии следующих участников. Затем наступила очередь Дмитрия.

Его встретили сдержанно, хлопали в ладоши только ученики и те, кто знал инструктора Школы выживания. Для многих зрителей и для большинства соперников он был «темной лошадкой». Фамилия Булавин ничего им не говорила, Дмитрий уже десять лет не выступал в официальных соревнованиях такого ярко выраженного фестивального плана.

Его противником оказался сорокалетний рязанец Сергей Сидоров, неплохо вращавший вокруг себя меч, но не знавший приемов защиты от веерных ударов и проваливающийся при каждом своем богатырском выпаде. Дмитрий «зарубил» его за минуту, набрав необходимые очки ударами по шлему и по плечам противника. Хлопали ему опять же сдержанно, не сумев оценить легкость, с какой он добился победы.

Второй поединщик был моложе и двигался быстрее, мечом владел неплохо и защищался довольно умело, но и он не выдержал двойных «слябов» – ударов, при которых меч Дмитрия отбивал удар и тут же, крутнувшись, бил по рукам соперника. Потеряв щит, псковский мастер сдался.

Трибуны зашумели, раздались крики:

– Подстава!

– Пусть бьется как ратник!

– С поля!

– Зрители не видят того, к чему привыкли – зрелища, – сказал Платов, обнимая Дмитрия. – Не понимают, что могучие удары по щитам – результат плохо рассчитанной атаки. Помахай железкой, постучи по щиту, пусть порадуются люди.

– Нам нужна победа или красивое фехтование? – хмыкнул Дмитрий.

– И то, и другое, – ухмыльнулся президент клуба. – Смотри, сейчас выходит Паша Быстров, понаблюдай за его техникой. Кстати, меч у него длиннее моего.

Дмитрий кивнул, невольно взвешивая в руке свой меч. Его оружие представляло собой точную копию русского меча конца четырнадцатого века: клинок длиной в сто десять сантиметров и шириной в шесть, длинная прямая крестовина, двухрядные долы. Но меч Быстрова действительно был длиннее сантиметров на пятнадцать, под стать богатырским плечам и рукам владельца и его двухметровому росту.

Рубился Паша легко, играючи кидая меч вперед, дважды со звоном врезал клинком по шлему противника, и судьи остановили бой. Его противник, боец из Италии, с трудом дошел до края поля, где им занялись медики.

– Знай наших! – почесал бороду Платов, кидая косой взгляд на оставшегося спокойным Дмитрия.

Затем выступал чемпион Европы Ульф Паккинен, достаточно убедительно переиграл поляка Збигнева Чертынского и картинно прошелся вдоль трибун со снятым шлемом, показывая соломенные кудри и гордое лицо потомка викингов. Больше всех ему аплодировали девушки.

Дмитрий вышел еще раз, послушно отработал весь комплекс ударов и уклонов, погонял противника по полю, пока не выбил у него меч из руки, и вдруг заметил среди зрителей того самого молодого человека с сумкой, который «забыл» у него в машине сверток с деньгами. А рядом с ним невозмутимо стоял детина в костюме, который считал деньги и угрожал Булавину пистолетом.

Настроение испортилось. И хотя Дмитрий не боялся новых встреч с рэкетирами, все же праздник их присутствие омрачило. Он с угрюмым раздражением «добил» противника, заслужив похвалу Платова «классным спектаклем», хотел было отказаться от дальнейшего участия,

но вспомнил ждуще-радостные лица учеников и поборол раздражение. Если уж начал дело, следовало доводить его до конца.

С Ульфом Паккиным ему пришлось сойтись уже в следующем поединке. Начались полуфиналы, и участников, одержавших победы во всех встречах, оставалось всего четверо.

Чемпион Европы оказался умелым бойцом, несмотря на весь свой выпендраж и чванство. Он быстро реагировал на движения Дмитрия, легко отбивал прощупывающие оборону выпады, хорошо двигался сам, а главное – владел неплохим арсеналом действительно боевых и опасных приемов. Один из таких приемов – кистевой выверт с посылом веерного удара – запросто мог отсечь противнику руку. Такие удары в принципе запрещались правилами соревнований, но вряд ли судьи могли увидеть всю злую хитрость замысла и оценить его исполнение. Достоинство оценить по-настоящему коварный боевой удар мог только профессионал, испытавший его на себе и знавший реальную школу фехтования на мечах.

Ульф сразу пошел в атаку, поощряемый болельщиками, уверенный в своем превосходстве, но тем не менее очень осторожный и мгновенно реагирующий не только на удары, но и на угрозу атаки, что существенно увеличивало его потенциал. Встретив умелую защиту шведа, Дмитрий, вначале настроенный скептически, вынужден был отступить и долгое время маневрировать, пропуская одиночные выпады и вырабатывая тактику боя, прежде чем начал сам опережать противника и набирать очки, не травмируя его. Бой он в конце концов выиграл, но потерял много сил, что не могло не сказаться на его состоянии в будущем.

Отдохнуть как следует он, конечно, не успел. Напился холодного квасу, три минуты медитировал, пытаясь восстановить энергетический канал с землей, и вышел на поле, где его ждал второй финалист чемпионата – Павел Быстров.

Этот бой мог бы стать классикой жанра и пособием для начинающих фехтовальщиков, настолько он отличался от уже прошедших поединков и был полон драматизма, внутренней борьбы, напряжения и вспышечных быстротечных атак. Паша оказался не просто хорошим бойцом, мощным и подвижным, он был мастером кэндо, знающим древние и современные приемы боевой работы на мечах, и, судя по всему, он собирался отстаивать свой титул чемпиона – «первого меча России» – всеми доступными ему способами. Во всяком случае, он сразу показал противнику серьезность своих намерений, едва не разрубив с первого же удара щит Дмитрия, а потом с очень высокой скоростью – в темпе – чуть не снес ему наколенник вместе с коленом.

Однако боль отрезвила Дмитрия, ввязавшегося было в обмен ударами, в игру с блоками и отбивами меча, Паша был сильнее и бил в полную силу, причем сериями, он явно знал «технику Велеса» или нечто схожее с ней и мог мгновенно ответить «слябом», «веером» или «обраткой с дымом» – ударом острием меча по забралу шлема, ослепляющим соперника. Пропустить такой удар означало проиграть, поэтому Дмитрий, уйдя в «полуосознанку» – в состояние интуитивного реагирования на опасность и доведя скорость реагирования организма до темпа, то есть сверхскоростного сжатия мышц, начал потихоньку опережать противника, кружить, маневрировать, упреждать атаки и выискивать бреши в его защите. Счет был восемнадцать – десять в пользу Быстрова, когда Дмитрий наконец подготовил «неловкое полупадение», заставил Пашу пойти на добивание и провел прием.

Удар, называемый «вертолетной лопастью», венчал сложное движение из двух разворотов, нырка, прыжка (ох и тяжело же прыгать в доспехах весом в пятнадцать килограммов!) и винтового раскручивания, и пришелся по шлему Быстрова – слева, наискось по макушке. Паша отшатнулся, роняя щит, постоял, шатаясь на ставших ватными ногах, и осел на землю.

Над полем сечи повисла пугливая напряженная тишина, разрешившаяся общим вздохом, когда Дмитрий подскочил к Павлу и снял с него шлем, открывая бледное потное лицо бойца с блуждающим взглядом. Паша был в состоянии нокдауна. Затем раздался вал аплодисментов,

шум, ликующие крики мальчишек и звуки фанфар, означавшие конец поединка. Продолжить бой Быстров уже не смог.

Бледно-зеленый от удара – меч Булавина шлем не пробил, но вогнул, – с шишкой на темени, он пожал руку победителю и сказал с мрачной улыбкой:

– Похоже, мы учились в одной школе фехтования. Кто тебя натаскивал?

– Дед, – ответил Дмитрий. – Потом отец. Потом спецназ.

– Я так и думал. А поначалу ты мне показался слабаком, слишком экономно расходовал энергию, почти не махал железякой. Давно крутишь ножик?

– Лет двадцать, но сейчас редко, не люблю я это дело.

– А здесь как оказался?

– Заставили. – Дмитрий улыбнулся подставляя лицо прохладному ветерку. – Если бы не ученики, я бы не вышел.

– Кого тренируешь?

– Я инструктор местной Школы выживания.

– Вон в чем дело, – протянул Павел, – то-то ты был так скуп на движения, я бы даже сказал – лаконичен. Рукопашку тоже в спецназе оттачивал?

– Меня начинал тренировать дед, он знал систему.

– Суев, спас, боливак?

– *Живу.*

Павел покачал головой, разглядывая лицо Булавина с новым интересом.

– Мне надо было сразу догадаться. Я учился у казаков, мой родной дядька был мастером спаса, а его отец – пластуном, отсюда и мой выбор в спорте – сабля.

– Мечом работать тебя дед учил? Что за техника? «Велес»?

– «Сеча Радогора», слышал?

– В какой-то книжке читал о существовании «Свода Радогора», передаваемого по наследству витязями, но считал это легендой.

– «Сеча» – не легенда, только я не все смог постичь, что мне показывал дед. Он умер, а дядька уже не был таким мастером фехтования. Спасибо за науку, инструктор. Ты сегодня показал то, чего я не знал.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

Дмитрий вернулся в шатер клуба «Витязь».

– Подожди, не раздевайся, – встретил его Платов. – Сейчас тебя награждать будут как чемпиона.

Дмитрий вспомнил рэкетиров, сидящих среди зрителей.

– Может быть, ты выйдешь вместо меня?

– Нет уж, уволь, – мотнул головой президент клуба. – Ты победитель, тебе и целовать королеву турнира. Очень красивая девица, между прочим, топ-модель. Иди, иди, самурай, ты сегодня хорошо потрудился, защитил честь клуба и заслужил поощрение. Вечером мы тебя в ресторане поздравлять будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.